

Алексей Сергеев

Дом у кладбища

хроника релокации

Алексей Сергеев

Дом у кладбища

Хроника релокации

2024

Сергеев А.

Дом у кладбища. Хроника релокации / Алексей Сергеев.
2024.— 108 с.

В начале 2024-го года ЛГБТ-активисту Алексею Сергееву пришлось уехать из России. Восемь месяцев он жил в шелтере для тех, кому на родине грозит опасность. Это дом в Тбилиси неподалёку от кладбища, который арендуют вкладчину. Вынужденные релоканты живут в небольших комнатах по трое или четверо, ругаются из-за немытой посуды, спорят о политике, влюбляются и расстаются, тоскуют по родине и мечтают о будущем. В основу книги легли заметки о жизни в Доме у кладбища, истории его обитателей и авторский взгляд на опыт эмиграции.

© 2024 Алексей Сергеев

© 2024 Quarteera e.V.

При поддержке Quarteera e.V. и МИДа Германии

Когда я всерьёз задумался об отъезде? Весной 2022-го? Нет, тогда это был лишь короткий порыв. Даже осенью крайне сложного для меня 2023-го — не думал уезжать. Я ещё цеплялся за старую жизнь, планы были связаны только с Россией.

Всё изменилось в конце ноября, из-за решения об «ЛГБТ-экстремизме». Это была «красная черта»: риски получить большой тюремный срок за «организацию экстремистского сообщества» выросли многократно.

Помню это ощущение: земля горит под ногами, время стремительно сжимается, нужно принимать решение. Мог ли я подумать весной 2012-го, выходя на первую акцию, что жизнь приведёт в эту точку?

В начале 2024-го я покину Россию и вскоре поселюсь в Доме у кладбища — пристанище для тех, кому возвращаться опасно. Я познакомлюсь со многими его обитателями, стану свидетелем их историй, буду вести заметки, которые затем лягут в основу книги.

2023

2023-й год. До отъезда

Март/декабрь

* * *

На днях в ящике обнаружил белый запечатанный конверт. Ни адреса, ни получателя, только рукописное «от Анны». Странно, нет у меня актуальных знакомых с таким именем.

Просветил конверт фонариком — внутри один лист, сложенный пополам. Печатный текст, но не повестка. Оставил в ящике.

Сегодня решил достать и прочитать. Со мной хотели поговорить о семье и верности, не застали дома. Приведены ссылки на Библию, в конце — адрес на защищённом почтовом сервисе с предложением переписки.

Представилось, как Анна озирается в подъезде. Её религиозная организация в России запрещена, единоверцы получают сроки за «экстремизм». Она, перебарывая страх, кидает в ящики письма, молит Иегову о помощи, чтобы свидетельствовать о нём.

Где-то антивоенная активистка Анна разносит листовки, а ЛГБТ-активистка Анна наклеивает квір-стикер...

* * *

К первому апреля Минюст сделал «подарок» — признал наш Альянс гетеросексуалов и ЛГБТ за равноправие «иностранным агентом». Не смутило, что нет юрлица, счетов, устава, членства. Движемся в сторону Беларуси, где трое на кухне — незарегистрированная организация и уголовное дело.

* * *

Звонила мама, голос встревоженный. В двери постановление от пристава, что в среду будут вскрывать дверь для исполнения решения суда по приведению квартиры в надлежащее санитарное состояние.

* * *

В Питере весна. Вижу её урывками. Когда иду к маме по Бармалеева, на одной стороне стоит высокая, почти в три этажа, яблоня в цветах. В школе «Иоганн – Гете – Шуле» за забором цветут тюльпаны и сирень. Останавливаюсь посмотреть, запах чудесный.

Стараюсь гулять во второй половине, кроме дней, когда хожу выкидывать мусор из маминой квартиры. Вечно находишь что-то новое: необычный дом, памятник, вывеску, памятную доску.

На площадке моего детского сада сегодня играл мальчик. Один, будто всех забрали, а за ним не пришли. Вгляделся в лицо через прутья решётки, и показалось, что это я маленький. Мальчик улыбнулся.

Осознал, что оставаться в России, в родном городе — тоже привилегия (не беру в расчёт риски и негативную динамику). Сама возможность такой выбор иметь. Родные места, люди, свой дом. Многим из уехавших такого выбора не оставили. В моём активистском кругу он был, в основном, между вероятной посадкой или отъездом.

На месте сквера, где мы играли в футбол, стоит дом. Будто никогда и не было той площадки, детства, голов и разбитых коленок. Выходит, память прочнее камня.

* * *

Был у подруги на «Лесной», увидел на стене её дома штук сорок табличек «Последнего адреса». Большинство жертв террора — инженеры, механики, но есть и портной, студент, даже дворник. Жили себе люди, строили планы на будущее. «Расстрелян. Реабилитирован посмертно». Страшно думать о тех временах и слышать их переключку с нынешними.

* * *

Мама решила устроить «праздник непослушания» и предпочла кабинету пристава — кладбище. Ей назначили явиться во вторник, она не пришла. Последнее время он штрафовал её каждый раз на две с половиной тысячи — при её пенсии весьма чувствительно. Маму больше раздражали чтение нотаций и солдафонские шуточки.

— Ну что он меня шпыняет, как нашкодливую школьницу? Каждый раз день до похода к нему и два после — в себя прихожу, так и кони недолго двинуть...

Прибралась на могиле бабушки, потом ходила к умершей подруге.

В её квартире завалы вещей, в одной комнате куча доходит до люстры. В прихожей слой — метра полтора. Выкинули за этот месяц без счёта одежды и мебели — ящики, тумбы, шаткие стулья, доски, а кажется, мало что изменилось. Порой находишь что-то интересное: старые семейные фото довоенных времён, школьные рисунки, необычные книги и предметы.

* * *

Сегодня не работал уже четвёртый VPN, было не зайти в «экстремистский» Facebook. Заработал только вечером, когда выбрал из списка серверов сербский.

* * *

Комнаты в коммунальной квартире в доме Блока на пересечении Монетных улиц, где прошло моё детство, больше не собственность папы и брата. У них теперь отдельная квартира. Непростое расселение и переезд, потребовавшие много сил, позади, я представлял интересы брата с инвалидностью.

Почему-то не испытал ностальгии, закрывая дверь квартиры навсегда. Помню общую кухню, очередь в ванну, кипячение белья, самых разных соседей, коммунальный быт. Позже приходил в гости — к бабушке, дяде, потом к папе. В этой же квартире он снимал студентом угол, здесь и познакомился с мамой.

* * *

Неподалёку от скульптуры ковидного «Печального ангела» трое мужчин без ног в инвалидных колясках беззвучно смотрят в чёрную воду Карповки. Молодые, крепкие. У одного на спине надпись «Служу Рос-спш»...

* * *

Неделя прошла в похоронных заботах: протоколы, справки, оформление, вывоз тела, счета, морг, ЗАГС, ритуальное бюро.

Стараюсь быть с мамой каждый день, сопровождая её по инстанциям, и по телефону — когда поездок нет. Она говорит без умолку, выговаривается, вспоминает фрагменты жизни, не только связанные с ушедшим братом.

Завтра прощание и последний путь в крематорий, домашние поминки. Так и не пожил брат в новой квартире...

* * *

Был в суде на вынесении приговора Ольге Смирновой. Чуда не произошло: шесть лет за семь постов о происходящем в Украине. Познакомились с ней в 2014-м на антивоенных акциях, потом немало общего делали, вместе администрировали группу, публикации в которой стали для неё роковыми.

Небо низкое, серое, без просвета. Фонтанка буро-мутная, вздыбленная, будто только что в ней искупались табуны грязных лошадей. Вода подступает к фонарям, освещающим мост, захлёстывает их.

* * *

Я пришёл в ЛГБТ-активизм, когда он был на подъёме. Мы могли быть «свободными художниками», многое уже было сделано до нас. На подъёме и гражданское движение, работали в связке. Даже в 2013-м году, после принятия гомофобного закона и разгона прайда на Мар-

совом поле, не было обречённости. Нас не пугали разъярённые толпы, дымовые пашки и камни, дубинки ОМОНа. Помню, плакатом я закрывал окно в полицейском автобусе, в соседнее — попал камень...

Мы могли говорить, быть видимыми. Казалось, наше дело идёт в гору — на Невском развевались радужные флаги. Как далеко мы откатились... Теперь вынужденная немота. Сложно пригибаться, когда привык ходить прямо. Как переизобрести активизм, чтобы не угодить в мясорубку, использовать эзопов язык, диссидентские практики, опыт несвободных обществ?

Недавно одна европейская активистка сказала:

— Это вы сокрушаетесь об эффективности? Да просто оставаться собой и действовать в подобных условиях — уже много.

* * *

Проснулся, и как обухом по голове — семь лет хорошей знакомой, ЛГБТ-активистке Сапе Скориченко за замену ценников в супермаркете на антивоенные. В суде познакомился с её девушкой. Помимо Саши, лично знаю ещё четырёх фигурантов уголовных дел в Питере — делали что-то активистское вместе. Тревожно: на пять миллионов жителей — пятеро знакомых в темнице.

* * *

Пил чай, неспешно обдумывал планы на Новый год, как пришла новость: Минюст подал в Верховный суд иск о признании ЛГБТ-движения экстремистским. Повеяло холодом: грядущие жертвы, обыски и посадки, суровые сроки.

Риски не только у активистов — даже пожертвование, волонтерство, участие во встрече и получение помощи могут стать составом преступления. Немедленно принялась работать пропаганда: канал НТВ снял сюжет об «ЛГБТ-преступниках под иностранным влиянием». Среди упоминаемых потенциально экстремистских организаций «Альянс ге-

теросексуалистов и ЛГБТ за равноправие» — название забавно переиначили, но повод не смешной.

Суд торопится: решение будет принято через две недели. Судя по медийному сопровождению понятно, какое. К президентским выборам взялись за скрепы.

* * *

Впервые за долгий срок выбрался в фитнес к своему тренеру Нарану. Успокоить нервы от последних новостей и израсходовать оставшийся пакет занятий. Наран — жизнерадостный калмык средних лет, любопытный, охочий до жизни, с неподражаемым юморком — одним своим присутствием возвращает в чувство.

Пришёл чуть заранее, он занимался с молодым парнем, на вид типичным студентом-«ботаником». Наран с прищуром показывает на меня пальцем:

— Вот и иноагент пришёл.

Когда парень ненадолго отошёл попить из фонтанчика воду, тренер продолжил:

— Молодой человек твоих убеждений, хотел познакомиться с живым иноагентом. Говорит, значит, хороший человек.

Студент позже поинтересовался, не планирую ли я уезжать. Ответил, что нет. Потом плавал в бассейне и всё думал над его вопросом.

Из двух саун одна не работает, говорят, до того была закрыта почти месяц турецкая. В бассейне вышли из строя оба струйных массажа — передний и верхний. Разруха, видимо, деталей немецких нет. В набитой сауне народ сокрушался по поводу западных санкций и неразвитого импортозамещения. И ни слова о первопричине...

* * *

Экскаватор прёт на тебя с зубастым ковшом, норовит намотать на гусеницы, размазать, не поперхнувшись. Несётся на огромной скорости. Слабоумие и отвага. Успеешь отпрыгнуть? Тикает в ушах: кто не спрятался, я иду искать...

Заходил на чай друг, депутат и открытый гей, на мой вопрос — осознаёт ли он все риски — ответил:

— Я принял твёрдое решение оставаться. Будь что будет...

* * *

Говорил с мамой. Кратко, но честно обрисовал картину, варианты. Она быстро всё поняла, лишних вопросов не задавала — поддержала, сохранив за мной выбор в принятии решений.

Потом родной голос рассказывал о том, как она нас с братьями поднимала, когда отец пил, о непростом выборе, обидах на папу. Много было в этом монологе любви. Время стремительно ускоряется...

* * *

Был сегодня в суде. Развязку моего административного дела судья с поэтической фамилией Бродский отложил на январь, ждёт ответ из центра по противодействию экстремизму о моей ЛГБТ-деятельности. Просил представителя Роскомнадзора, составившего на меня протокол, связаться с «Центром Э», поторопить.

* * *

Рассказывала сегодня девушка, работающая в Смольном в одном из комитетов городского правительства. Её начальник горячо приветствовал государственную «борьбу с геями»:

— Чего с ними миндальничать, ещё жёстче надо, вплоть до смертной казни!

А потом выдал:

— Ещё бы тюремный срок ввести для этих, как там их, веганов. Вот эти точно экстремисты...

Кто следующий?

* * *

Приходит сообщение от жены брата: «Лёша, привет. Мама сломала ногу, где именно — не знаем пока. О. с ней в больнице, я тоже еду, напишу потом тебе».

Операцию делали под местным наркозом, видимо, побоялись, что в мамыны семьдесят шесть под общим что-то может пойти не так. Вставляли штифт. Навестил в больницу.

— Знаешь, я понимаю, что это репетиция ухода, — говорит она, — и мне не страшно, будто вокруг ангелы... Поняла, что Россия не погибнет, даже когда все эти вурдалаки у власти околеют. Здесь прекрасный персонал, молодёжь, доктору — всего тридцать пять. Я окружена вниманием, заботой. Зря столько лет боялась врачей. А как хорошо проявили себя невестки и внуки... Забери документы в зелёной папке на антресоли в прихожей. Как выпишут, вызовем на дом нотариуса. Надо составить завещание.

2024

2024-й год. Отъезд

Январь

* * *

Все новогодние праздники ходил, как на работу, освобождать бывшую мамину квартиру. Возможно, её травма — наследие советского дефицита и сложных девяностых. Бабушка, пережившая Голодомор и блокаду, считала главным еду на столе, два платья — роскошью.

В прошлом году под прессингом приставов выкинули тысячу больших сумок, а вещей всё ещё много. Хочется поскорее завершить процесс, но до отъезда никак не успеть. Хорошо, что маму теперь не мучает пристав, да и мой первый этаж ей с больной ногой удобней.

Девяносто минут в шкафу

Собирал чемодан вечером, накануне вылета в Тбилиси, спрессовав в двадцать кило всю предыдущую жизнь. Не слишком тревожился — три года назад, после обысков в Петербурге, уже жил в Грузии несколько месяцев. Но сейчас — не знаю, когда вернусь.

В день отъезда, рано утром, мне нужно было зайти по новому адресу прописки. После смерти брата мы поменялись с мамой квартирами: ей тяжело жить там, где всё напоминает о нём.

Уже собирался уходить, как в дверь раздались настойчивые звонки, потом стук. Это продолжалось около часа с небольшим перерывом. Перехватило дыхание. Тихо, чтобы не услышали шаги в прихожей, пробрался в дальнюю комнату. Забрался за створку платяного шкафа посреди старых пальто и брюк, сел на кучу пыльного тряпья, прикрыл изнутри дверцу и затаился в темноте.

Что я передумал за эти девяносто минут в шкафу под настойчивые трели звонка, стук и голоса, сжимая в руках заветный билет на рейс? С четвёртого этажа не выпрыгнешь. Где телефон адвоката? Будут ли ломать дверь? Чем кормят в СИЗО?

По телефону ползёт таракан, радуюсь его живому присутствию в этом затхлом шкафном пространстве — вот куда загоняет режим. Убрал громкость, чтобы не выдать присутствия. Звоню братьям и другу, шепчу изо всех сил, сдавливая воздух в горле. Они сонные, не сразу понимают, что случилось.

Позже придет брат, не обнаружит машин на улице и людей на лестнице. Я выберусь из шкафа, тихо спущусь и юркну в его машину. Он заберёт вещи по старому адресу, там спокойно. Попрощаемся с мамой и братьями, обсудим здоровье папы, который задыхается, и я поеду в аэропорт через заснеженный, как в тумане, Питер.

Чуть помурьжат на паспортном контроле, выясняя, куда лечу и надолго ли, после вздохну спокойно. Уже перед вылетом, когда я включу телефон, до меня дозвонится пристав.

— Сосед с вашей лестницы жалуется, что вы последнее время его подтапливаете. Он утром пытался к вам попасть. Проверьте в квартире всё, что связано с водой, чтоб не пришлось ломать дверь...

Пищу эти строки у гейта (суеверно заменяя «ожидая посадки»). Но эти девяносто минут в шкафу навсегда останутся со мной... От трагедии до фарса — один шаг, но никогда не знаешь, когда фарс превратится в трагедию.

* * *

Прилетев ночью в Тбилиси, поехал в шелтер для активистов и журналистов из России. Он расположился в новом многоквартирном доме, практически в центре города. Просторный холл с кухней, куда выходят двери шести комнат, в каждой есть душ. Можно перевести дух и не думать о бытовых проблемах хотя бы две недели.

Отсыпался четырнадцать часов. Долго стоял под душем, смывая тревогу и напряжение. Вышел на солнечный балкон и неспешно смотрел на реку и горы вдалеке. Впервые за несколько месяцев ощутил спокойствие. Старался гнать от себя мысли о том, что дальше.

На кухне столкнулся с программистом из Сибири, молодым парнем в очках. Он рассказал, что на него завели уголовку по политической статье, ждёт польскую гуманитарную визу. Спросил про меня. Я ответил, что приехал на несколько месяцев — посмотреть за развитием ситуации, потом думаю вернуться.

* * *

В городе рождественское, новогоднее настроение. Выхожу из шелтера и вижу проспект, украшенный гирляндами и светящимися ангелочками. Подсвеченные витрины, мерцающие ёлки. Зима мягкая, без снега. Ощущение чуда и беззаботности. Хочется пить вино, есть хачапури и баклажанные рулетики, смотреть на фейерверки.

* * *

Вчера Петроградский районный суд признал меня виновным за пост в телеграм-канале Альянса. В деле две справки из центра по противодействию экстремизму МВД, письма из Роскомнадзора и Минюста. По идее, теперь можно штрафовать за пост любого авторства. Третий штраф может перетечь в уголовку с реальным сроком лишения свободы. Вовремя уехал?

* * *

В шелтере можно находиться только две недели. Знакомый, узнав, что у меня заканчивается время, пригласил в дом, где сам живёт уже полгода. Приехал туда и ужаснулся. Сначала в темноте шёл полчаса по заброшенному району с ветхими зданиями и останками советской промзоны.

На детской площадке пьяные: то ли ссора между ними, то ли такая манера общения на повышенных оборотах. Почувствовал себя уязвимо — вдруг докопаются?

У ворот истошно, с хрипом, лаяла собака на цепи. Знакомый провёл по дому, я был шокирован: как здесь люди живут? Кухня в подвале — на нескольких квадратных метрах у газовых конфорок толкуются пятеро, пот на лицах, друг друга задевают, чад от сковороды.

Кроме общего зала, нет рабочих пространств, в тесных комнатах живут по трое, а то и по четверо. В доме холодно — видимо, экономят на отоплении. Нет, я здесь жить не буду. Моя нынешняя комната с душем показалась номером пятизвёздочного отеля.

Обратно нашёл быстрый путь — через железнодорожный тоннель. Дорога проходила мимо кладбища, но ощущалась приятнее.

* * *

Цены на жильё в Тбилиси вдвое выше, чем в Питере. Год назад, говорят, они были заоблачными. Грустно, что где-то пустуют мои квадратные метры на Петроградке, заваленные книгами. Home, sweet home...

Нужно выселяться из шелтера, а я до сих пор ничего не нашёл. Со скрипом продлил на несколько дней. Подал пока заявку в тот Дом у кладбища, там почти даром можно пожить несколько недель, за это время что-нибудь придумаю.

* * *

В Тбилиси демонтировали ёлку у здания Парламента и часть украшений на проспекте Руставели. Оставшиеся отключили от электричества, и пропала новогодняя магия вращающихся планет, спящих комет и мерцающих ангелов. Они словно утратили свою силу, погружая в реальный мир: «Ну всё, дальше сами»...

За две недели здесь я встречал релокантов на разных стадиях. Только приехавших, наслаждающихся свободой, кухней и вином. Устало ждущих месяцами гуманитарных виз в Германию или Польшу, с открытыми в России политическими уголовными делами. Живущих поодиночке и группами, надеющихся и погружённых в тоску. Питаю-

щихся перловкой и выбирающих лучшие рестораны. Цепляющихся за прошлое и начавших новую жизнь.

Что касается меня, то я успел отогреться, выдохнуть. Пытаюсь строить планы на ближайшие несколько месяцев. Мне впервые за долгое время снова стало нравиться отражение в зеркале — начал оживать.

А ещё есть волшебство другого рода, о котором пока умолчу. Питающее электричеством даже тогда, когда обесточенные рождественские ангелы уходят на заслуженный отдых.

* * *

Папина прабабушка Анна Николаевна Серебренникова и её младшая сестра Ольга — обе из дворянского рода, после революции уплыли пароходом в Константинополь. Выяснилось, что первая прожила свои последние годы и в 1939 году умерла в Белграде, где нашла её могила.

К окончанию войны в 1945-ом, кроме дедушки, из большой крестьянской семьи остался в живых только старший брат, уехавший в Америку. Он работал на верфях, потом официантом в Чикаго, затем открыл с женой-американкой лавку. Следы его затерялись, когда переписку советских граждан с зарубежными родственниками запретили.

Наше вино

За эти три январские недели я очень сблизился с человеком, которого знал давно как хорошего друга. Тбилиси рассудил иначе и щедро одарил нас романтикой. Столько тепла, заботы, разговоров, нежности у меня давно не было.

Мы виделись почти каждый день: гуляли по городу, ходили в музеи, катались на канатке, ездили в горы, мёрзли пять часов, когда была авария на дороге, обошли немало кафе, нашли самый вкусный хачапури по-аджарски, вместе покупали одежду, говорили, молчали, целовались

на колесе обозрения, в примерочной кабинке и в горной часовне. Сегодня он улетел в Россию, но мы сохраняем связь вопреки всему, будто между нами невидимая нить.

Ещё у нас есть «своё» вино. Попробовали его в кафе в старом городе, понравился насыщенный вкус. Перед его отъездом искали это вино, обошли десяток магазинов, а наткнулись случайно, под лестницей крытого рынка.

— Сохраню бутылочку, чтобы распить, когда вернёшься в Россию, — сказал он.

Сухое красное александрюли из древнего сорта винограда, который растёт только в одном районе Грузии и больше нигде в мире не встречается. «Наши чувства — такая же редкость».

Февраль

Дом у кладбища

Вот уже неделю я живу в Доме у кладбища. Это своего рода анархистская коммуна, принимающая тех, кому опасно в России. У многих обитателей политические статьи, кто-то выбирался в Тбилиси через Беларусь уже под уголовным делом. Они застряли здесь как в безвременье: бывшие сотрудники штабов Навального, ЛГБТ-люди, многократные «дискредитаторы» и записные «экстремисты».

Кто-то ждёт гуманитарной визы почти год. У одних деликатесы, а другие едят пустые макароны и радуются, если поделишься соусом. Чувствуются взаимовыручка, бережное отношение, но видна и усталость. Кто-то кашляет — в доме прохладно, но к этому быстро привыкаешь.

Главный минус — почти полное отсутствие приватности. В комнатах живут по несколько человек. Общая зона в столовой, балкон второго этажа — вот и все общественные пространства внутри дома. Для созвонов надо или договариваться с соседями по комнате, или идти на улицу.

Жизнь здесь затеряна во времени и пространстве. Покойней она только у соседей за кладбищенскими оградами. Обитатели шелтера ждут, ждут и снова ждут, словно застряли в лимбе. Изгнание — не самое приятное испытание, но многим выбрать не приходится...

* * *

Сосед по комнате, короткостриженный мужчина лет пятидесяти из Сибири, улетел в Мексику с понятной целью пробиваться дальше в США. До того прощался с приехавшей дочерью, они гуляли вместе по Тбилиси три дня. В России скоро ему вынесут приговор за «дискредитацию армии», но это, к счастью, осталось для него уже в иной реальности.

Снился странный сон, будто я возвращаюсь домой. Прошло много лет, родителей нет, в квартире живут совсем чужие люди. Племянники обзавелись семьями, не узнают меня. И я хожу какой-то потерянный — не человек, а тень. И город временами не узнаю...

* * *

На кассе в супермаркете другой обитатель Дома у кладбища, невысокий седой мужчина в очках, покупал всего ничего: хлеб и пачку сосисок, но вынужден был отказаться от сигарет — дорого.

Сильно кашляет, а дело у него в России по «экстремистской» статье, можно и не дожить. Приветливый, подчёркнуто вежливый. Не чурается любой работы: недавно была ночная «халтура» — надо было убрать и вымыть большой спортзал. Заплатили почти сто лари, можно жить.

Самое сложное — неопределённость. Сейчас, когда физически ты на свободе и в безопасности, а привычная жизнь далеко, мозгу сложно зацепиться за что-то стабильное, понять, что дальше.

Ты живёшь в пространстве, которое не приспособивал под себя, где действуют свои правила. Здесь даже посуда и предметы быта — не твои, потому так ценна вдруг стала жестяная чайная банка, привезённая из Питера, и флакон туалетной воды, аромат которой ты сам выбирал.

Ты не знаешь, будет спокойно в рабочей зоне столовой или шумно — забасит музыка, раздастся смех, начнутся громкие разговоры, будут ли свободны коврик и конфорка на кухне. Главное, удерживать себя от спонтанных покупок, не обростать вещами, жить экономно, не опуститься на самое дно.

Помогает то, что требует сосредоточенности, имеет смысл: активистские проекты, погружение в английский. Некоторые используют компьютерные игры и другие способы занять досуг, отвлечься от реальности, не всегда безопасные для здоровья.

А освобождённый от привычной рутины мозг задаёт всё новые вопросы: кто я, чего хочу, что значил для меня дом и те, кто остались в России? Время встретиться с собой лицом к лицу.

* * *

Сегодня стало известно, что соседа по комнате, Сибиряка, не пустили в Мексику, а он потратил почти все деньги на билеты туда и обратно, отель, обширную предоплаченную туристическую программу. Несколько дней он не появлялся в сети, я уже стал беспокоиться.

Пишет, что сегодня вернётся и ему придётся остаться в Доме — снимать жильё уже не на что, с деньгами напряг. Стало стыдно за то, что я уже выкинул и раздал его оставшиеся вещи: тёплую куртку, две пары брюк, футболку и свитер, обувь, которые он не стал забирать в дорогу.

В общем, история продолжается, пути эмигрантские неисповедимы. В Россию ему путь закрыт — там ждёт тюрьма.

* * *

— Первое время мне нравилось жить здесь, прикольное такое общежитие, люди, разговоры. А потом устаешь, — делится обительница Дома, крепко сбитая женщина с короткой стрижкой. — И уже даже горы за окном, которые так радовали, начинают бесить. Нет ничего своего, будто всё время на обозрении...

В России у неё была успешная карьера в сфере финансов, с вынужденным отъездом она всё потеряла. Теперь подрабатывает уборщицей, что вызывает уважение.

Как-то она собирала деньги на торт для жителя Дома, у него был день рождения. Каждый скидывался по пять лари с барского плеча — для многих здесь серьёзная сумма. Я в тот день задержался, пришёл к полуночи. Мне оставили кусок торта и пиво в большой пластиковой бутылке. Она проследила, чтобы другие не съели, мне было приятно...

Бывает, на маленькой кухне одновременно находятся по пять-шесть человек: готовят, моют посуду, убирают или достают продукты из холодильника, невольно задевая друг друга. В этом тесном контакте быстро узнаешь людей.

Кто-то уличит момент, чтобы попросить сливочного масла, и отрежет по-хозяйски четверть пачки, подойдёт «попробовать мёда». Отсыпет заварки в термос, отольёт томатного соуса или оприходуёт имбирь, посчитав, что они «ничейные», хотя полки пронумерованы.

Кто-то, напротив, сам угостит оладьями или шоколадом, налаживая социальные связи. Один включит громко музыку или будет смотреть шумные бои без правил на общем телевизоре, другой — принесёт и наденет наушники, чтобы не мешать остальным.

* * *

Проснулся поздно, пошёл на кухню: люди потеряны, все говорят о смерти Навального. Чёрный день, оцепенение, как было после известия об убийстве Немцова. Сначала не хотелось верить — не глупый ли розыгрыш? Но нет, до апреля далеко.

Когда-нибудь, надеюсь, будут и проспект Навального, и площадь Немцова, и улица Политковской, как уже есть в Тбилиси. А пока очередной политический оппонент убит режимом.

Уехать нельзя остаться

Больше месяца за пределами России. Ещё недавно был «оставшимся», теперь примерил одежды «уехавшего», немало повидал релокантов.

Вынужденная эмиграция — не рай. По крайней мере, для большинства тех, кого я встретил в местах общего проживания. Наверно, есть и другие — со сбережениями, хорошей работой, снимающие квартиры. Нет никакой однородной массы уехавших. У всех свои причины, обстоятельства, положение и уровень благополучия. Одни имеют

хороший рабочий контракт и сощпакет со страховкой, другие моют полы и окна, чтобы выжить.

Главный плюс — конечно, безопасность. Уехать в страну, где тебе не грозит тюрьма или отправка на фронт, — привилегия. Из минусов — потеря привычной социальной среды, общения с близкими и друзьями, социального статуса. Многие выезжали из ситуации опасности, не по своей воле, и здесь они на грани нищеты.

Особенно тяжело, когда возникают проблемы со здоровьем — для иностранцев в Грузии бесплатной медицины нет. Знакомая, не имея страховки, попала в больницу: две недели лечения обошлись как крыло самолёта. Хорошо, что в это время приезжал в гости сын-ай-тишник, помог с деньгами.

Понятно, что никто никому не должен. В Грузии среда и отношение чаще дружелюбные, если эмигрант не привозит с собой имперские замашки и снобизм. Многие местные сами живут весьма скромно, а цены здесь на многое выше, чем в Питере и Москве.

Сначала люди выглядят радостными, живыми, потом у части наступает «отдача». Зависнув «между», многие теряют и прошлое, и будущее. Настоящее же не всегда радует — жизнь в шелтере по несколько человек вместе, без личных пространств, нехватка денег на аренду хотя бы отдельной комнаты. Некоторые заболевают физически, кто-то впадает в тоску и апатию.

Зато есть время на рефлексии. Одна активистка, живущая в шелтере, признавалась:

— Я только здесь поняла, что мы упёрлись тогда в эти листовки и акции, а ведь в эмиграции можно делать многое с куда большим КПД. У меня глаза раскрылись — как мы убивались и рисковали ради того, что, сейчас кажется, не имело большого смысла.

Мы так привыкли к страху обыска по утрам, полицейским дубинкам, задержаниям, суткам и штрафам на акциях в России — это стало

каждодневным фоном. Ненормальность этого начинаешь понимать, только просыпаясь утром спокойно или видя полицейских, заботливо отгораживающих часть проезжей части для протестующих.

Конечно, есть штампы и в отношении оставшихся. Например, катастрофизация — что в России всем одинаково опасно, или виктимблейминг — кто не уехал, тот сам виноват. У тех, кто остался, есть преимущества: родные места, язык, привычная среда, устоявшаяся жизнь, семья и друзья, дом и работа.

Часть уехавших ударяется в радикализм по отношению к живущим в России. Мыслят устаревшими категориями, призывая «свергать кровавый режим» и не понимая, что сегодня риски даже за скромную гражданскую активность огромны. Призывать к чему-либо тех, кто остался внутри страны, мне кажется аморальным.

Сегодня один житель благополучной европейской страны, которого никогда не задерживала полиция, писал про похороны Навального:

— Что вы своими цветочками добьётесь? Если бы я был россиянином, я бы предпочёл умереть в тюрьме, чем жить в рабстве.

Услышав вопрос, почему бы ему не поехать в Россию и не примерить на себя «русскую тюрьму», человек быстро ретировался.

Это не говорит о том, что все уехавшие должны молчать в тряпочку, дискуссия важна. Как и поддержка, понимание рисков и психологического состояния. Главное — видеть живых людей с их историями и обстоятельствами, а не штампы. Хочется строить мосты, а не стены.

* * *

Всегда верил, что человек принадлежит миру, а не месту, где ему выпало родиться. Люди имеют право сменить город, страну, континент — без объяснения причин, они не крепостные крестьяне. Когда же есть причины, связанные с рисками, то и подавно.

Люди имеют и право остаться, игнорируя настойчивые призывы уезжать. Это право на риск, на выбор. Как говорила девушка, с которой я познакомился в коридоре суда на одном из политических процессов:

— Я не буду удалять ни радугу, ни антивоенные посты. Это моё достоинство, и я готова заплатить за него любую цену.

Оставаясь в России, я испытывал смешанные чувства по поводу уехавших. Радость за то, что они в безопасности, и что-то ещё грустное, щемящее, что не мог сформулировать. И сейчас не все живущие в России одобряют массовую эмиграцию.

— Видишь ли, — говорил мне недавно знакомый журналист, — каждый хороший человек, что уезжает, оголяет свой участок работы. И скоро некому будет приходиться на суды, носить передачи в отделения, помогать попавшим в СИЗО или беженцам...

Проблем становится всё больше, а сопротивляющихся режиму и помогающих его жертвам — всё меньше, истончается ткань. А значит, на каждого из нас, остающихся, ложится ещё больше нагрузки. А мы и так не справляемся, сыпемся, выгораем. Этот дефицит людей нечем восполнить.

И те, кто пытаются задержанных в отделениях полиции и тюрьмах, почувствуют себя абсолютно безнаказанными. Меньше будет журналистов, кто напишет о злоупотреблениях и насилии, и правозащитников, кто поможет пострадавшим. Все не смогут уехать — значит, жертв будет еще больше.

Ты говоришь, что эмигранты занимаются активизмом на новом месте, включаются в правозащитные инициативы? Но они же приезжают в более благополучные в плане соблюдения прав человека страны. Сравни: хирург в Лондоне или хирург в африканской стране, где на много миль одна больница, это огромная разница...

* * *

Встретился ангел.

Спрашивает:

— Как крышею ещё не поехали вы?

Не ругайте друг друга, все нужны: и оставшиеся, и уехавшие...

У нас, — говорит, — протекли небесные потолки,

Реки гноем полны,

А крылья слабы.

Рак за душу цап,

До горизонта гробы...

У нас, — плачет, — больше года в три смерти работают

И Архангелы, и Хранители.

Конца-края нет,

Душеуловители заполнены

За пазухой у Спасителя.

* * *

В нашей небольшой комнате пополнение: теперь все три кровати заняты. Зато теплее — на прошлой холодной неделе даже толстые носки и штаны не помогали, единственным спасением было забраться под одеяло.

Работать и учиться сложно. Шумы, телевизор, разговоры в общей зоне отнимают энергию, концентрацию. Быстро отвлекаешься, устаёшь и становишься каким-то безвольным, будто в ступоре. На улице стоят пара столов и деревянные паллеты — когда потеплеет, можно их задействовать.

Через неделю истекает льготный период, надо будет принимать решение о дальнейшей судьбе — становиться платным резидентом или съезжать. Денег не так много, стараюсь экономить, а если снимать своё отдельное жильё — быстро закончатся.

Шелтер, где я провёл первые две недели, по слухам, закрылся, как и проект в Батуми. Проблемы с финансированием. Дом у кладби-

ща прекратить существование не должен — он на самоокупаемости, арендная плата и коммуналка делятся на всех, только у живущих первый месяц льгота. Сейчас в комнатах по трое, а то и по четверо. Проблемы с оплатой аренды начинаются, когда комнаты не заполнены.

Ничего, жил же как-то вшестером в одной комнате питерской коммуналки.

* * *

Вчера в небольшом супермаркете почти все покупатели были из России — три семьи. Бегают трое маленьких детей, остальные уже подростки, старшие школьники. Говорят по-русски. Много российских продуктов, на миг ощущаю себя в Питере. Вот конфеты «Москвичка», майонез «Слобода», шоколадка «Россия» (редкость, здесь её чаще встречаешь под маркой Nestlé).

Две семьи радостные, громкие, ведут себя как туристы, набирают полные корзины, будто на пикник. Еда, алкоголь, сладости. Они только приехали из России, расслабились — наверно, навестить своих друзей, посмотреть Грузино, отдохнуть.

А третья семья тихая: папа, мама интеллигентного вида и светловолосый сын лет четырёх. И этот мальчик смотрит на папу и спрашивает:

— Папа, а когда мы вернёмся домой?

Мужчина вздыхает, смотрит на жену, потом на ребёнка и говорит:

— Не скоро, сына. А может быть, никогда...

* * *

Сегодня самому старшему обитателю Дома у кладбища — тому, что кашлял и подрабатывал уборкой и мойкой стёкол, Седому, отказали в немецкой гуввизе. У него уголовное дело по экстремистской статье, а до того были экоактивистские административные кейсы.

Причина отказа — недостаточно связей с немецкими проектами и организациями. Он держит лицо, надеется подать снова через другой канал, а там опять ждать полгода. Придётся ему снова жить здесь — в подвальной каморке без окон, отделённой от общей зоны лишь занавеской.

— Шумно, конечно, порой, зато один.

А вот пара обитателей средних лет заветную визу получила. Он пишущий журналист на удалёнке, она — в шелтере казначей. Оба немного чудаковатые, в очках с толстыми стёклами, будто части единого существа — за время жизни здесь ещё больше сроднились. Долго ждали визу и пока ещё не понимают, что их жизнь в Доме у кладбища подходит к концу.

* * *

Накануне 24 февраля антивоенные россияне в Тбилиси думают, куда пойти, что делать. Кто-то собирается рисовать плакаты, кто-то — купить цветы или просто прийти на митинг, выразить протест, стыд и горечь.

Граждане Грузии и беженцы из Украины планируют пройти маршем по проспекту Руставели к Парламенту. По слухам, в прошлом году был скандал с бело-сине-белым флагом, когда в колонне не были рады его видеть, попросили свернуть, наткнулись на обиды и возмущение в ответ, что привело к разладу.

Часть россиян хочет выйти к традиционному месту — секции интересов РФ швейцарского посольства. Выразить отношение, погрозить пальчиком.

В четыре утра по европейскому времени, в семь по Тбилиси, активисты в Польше и присоединившиеся по всему миру жгут Костры Солидарности в память о погибших жителях Украины.

В Доме у кладбища мнения разделались, каждый выбирает свой вариант. Услышал сегодня такой диалог:

— Я решил, что пойду в грузино-украинской колонне. Ночью буду рисовать плакаты.

— Но ведь там, насколько я слышал, россиянам не рады, не хотят, чтобы ты шёл с ними...

— Мне плевать на их отношение ко мне лично и на то, что они думают. Мне важно в центре города выразить свой протест против войны.

Митинг

Долго колебался: идти или не идти на акцию. Сложно было найти смысл — понятно, что этим ничего не изменишь. Сибиряк, надевая куртку, заметил:

— Потом будешь жалеть. Мог выйти и не вышел. Посмотри, сколько людей в России не могут...

Он знал, о чём говорит. Сначала его штрафовали в родном городе за антивоенные плакаты по ковидным статьям, он продолжал выходить. Потом статьи уже были по «дискредитации», затем административки переросли в уголовку.

У секции интересов РФ в швейцарском посольстве я увидел много хороших лиц. Люди стояли с цветами, флажками, плакатами.

На своём, нарисованном в спешке перед выходом, я вспоминал бабушку-блокадницу и её лучшую подругу-украинку. Они вместе тушили «зажигалки» и спасали раненых. Дружба двух ленинградок — из Беларуси и Украины — прошла через всю жизнь. Обе не дожили до 2022-го года, но я живо представил, как они, перенесшие страшную войну, вместе плакали бы.

На митинге были установлены две сцены: спикеры ходили от одной к другой, нередко просто повторяя свои речи. Слова некоторых вызвали то стыд, то недоумение, настолько далеки они были от людей и понимания ситуации.

ОСТАНОВИТЕ
ВОЙНУ

— Я обвиняю этот режим! Вот уже два года мы с вами страдаем вдали от дома так же, как страдают украинцы, — говорил мужчина в дорогом пальто хорошо поставленным голосом. В его страдания верилось с трудом, само сравнение выглядело несколько лицемерным.

— Мы боролись все эти годы, мы будем бороться, и я знаю, что мы неминуемо победим! Все виновные в военной агрессии и смерти Алексея будут наказаны, — артистично, ломающимся голосом, самонадеянно выкрикивал другой.

На миг захотелось выйти на сцену и сказать, что мы пытались, но не смогли остановить это с 2014-го года, что нас оказалось слишком мало, одни были слабы, другие — пассивны. Но список выступающих утверждался заранее, а свободный микрофон не предусмотрен.

Некоторые скандировали «Россия будет счастливой!». Вот уж не думаю, что возможно счастье без горестного покаяния и многолетнего возмещения ущерба.

Здравая мысль была высказана одной выступавшей:

— Антивоенная позиция — это хорошо, но важны действия: борьба с пропагандой, донаты организациям, волонтерская помощь, поддержка политзаключенных.

Потом другая женщина что-то кричала со сцены завывающим голосом, и эти интонации, кажется, я уже слышал в Питере в «белоленточные времена» от участницы националистических маршей.

Завершилась акция шествием под двумя огромными украинскими флагами и дымом жёлто-голубых файеров к расположившемуся неподалёку украинскому посольству. Похоже на попытку присоединиться к чужой борьбе.

Уместнее была минута молчания в память жертв. Посветив фонариками, народ начал расходиться.

* * *

Вчера Сибиряка объявили в розыск в России. Идёт слушание его уголовного дела, а он не явился. Теперь при пересечении российской границы он будет задержан. А живущего в Тбилиси два года соорганизатора активистского пространства Frame не пустили в Грузию.

К нам в комнату заехал новый сосед — странноватого вида бритый мужчина в очках. Не продержался и дня: выяснилось, что он в России организовывал митинги за Пригожина, а Дом у кладбища имеет свои принципы, здесь таких не ждут.

Обнаружил, что утром в общей зоне относительный покой и хорошо работаетя, постараюсь теперь вставать пораньше.

Возобновил прогулки, пора возвращать форму. На улице встретил худую собаку без передней лапы — она двигалась резво, но немного неестественно, словно механический пёс, пронзала своим телом вечерний город. Наверно, так и нам нужно привыкнуть жить без пропавшей, фантомной лапы, иначе продолжим спотыкаться.

В начале прогулки всё радовало: солнечно, красиво, фактурно, хоть и много ветхости в изнаночной стороне Тбилиси. На обратном пути накрыло: темно и одиноко, в чужом городе. Ощущение зависания и оторванности — непонятно, что дальше. Не пойти в гости к папе на ужин, не посидеть в кафе с другом, не погулять по любимым улочкам Петроградки.

После самобичевания пришло самосострадание.

Март

Урок

Я возвращался с вечерней прогулки, когда на Руставели наткнулся на темнокожего парня. Хотел, не снимая наушников, пройти дальше, но подумал, что надо хотя бы выслушать, что тот говорит, активно жестикулируя.

- Man, I'm hungry. Can you help me and my child...

Ага, голодает, просит помочь им с ребёнком. На вид лет 25-30, вроде трезвый. Одет небогато, но опрятно. Вид несколько отчаявшийся. Кошелёк у меня убран надёжно, телефон тоже. Деньгами точно нет смысла давать, предложил ему что-то купить в магазине. Он попросил курицу и рис:

- What would you like to eat? We can buy some food at a supermarket.

- Chicken and rice.

Пока мы шли до супермаркета, спрашивал его о жизни. Он приехал из африканского Кот-д'Ивуара, играл в местной футбольной команде, но контракт не продлили. Потом работал продавцом одежды, магазин закрыли, а новую работу пока не получается найти.

Уверял, что для себя бы не пошел просить, но не может видеть голодного ребёнка. История звучала складно, а я думал, что даже если никакого ребёнка нет, что бы я чувствовал, оказавшись в чужой стране, на другом континенте?

В магазине вспомнил, что читал об историях мошенничества, когда люди договаривались с супермаркетом, а потом возвращали товар. Здесь было непохоже. Упаковка замороженной курицы, сеточка лука с чесноком, банка томатной пасты и рис — вполне себе набор для приготовления трапезы.

Подходя к кассе, увидел шоколадки по акции, спросил, какой шоколад предпочитает его ребенок. Молочный, с орехами. Я в детстве тоже не любил горький шоколад.

Положил шоколадку в корзину, думая, что если ребёнок есть, то это будет в радость, а если нет — пусть съест сам этот парень, ведь каждому иногда хочется чем-то побаловать себя...

Расплатился с карты. Чек на всякий случай забрал. Парень обнял меня крепко, благодаря, бормотал, что у них есть страница в Facebook, что его ребёнок будет рад, и еды им хватит на несколько дней, и что бог отблагодарит меня за помощь незнакомому человеку. То ли это отблеск от лампы над кассой, то ли у него на глазах были слёзы.

Пожелал ему удачи и распрощался. Что было правдой в его истории — на его совести, но если человек просит о помощи и есть ощущение, что она ему действительно нужна, почему не помочь? Теплей в этот промозглый тбилисский вечер стало не только ему, но и мне.

Не собирался писать об этой истории. Но тот, кто вдохновил меня своим равнодушием, сказал:

— Напиши, может, тогда кто-то из твоих читателей тоже не пройдёт мимо и поможет человеку рядом.

Такой вот вышел урок языка и человечности. Считаю, это reasonable price, разумная цена.

Непрекрасная Россия Будущего

Жизнь в Доме у кладбища идёт своим чередом. Недели проносятся всё быстрее. Завтра будет два месяца, как я в Тбилиси.

У обитателей дома свои горести и радости. Троиш за это время одобрили гумвизы в Германию, двоим — отказали, одного не пустили в Мексику, другой улетает в Нидерланды подаваться на бегство.

Здесь тепло справляют дни рождения, хоть и порой прозаичным салатом с картошкой и квашеной капустой, тёртой свёклой (и то, и другое кажется невероятно вкусным), зато скидываются на подарок или торт.

Кто-то получает визу — туристическую или гуманитарную, и все в шелтере поздравляют, устраивают проводы. Иногда приходят в гости или на ночлег бывшие постояльцы. В целом чувствуется взаимовыручка, хотя бывают и конфликты. Люди в тесном общении проявляют свои лучшие и худшие черты.

Я проплатил месяц и буду здесь до конца первой недели апреля. На собрании никто из живущих не высказался против — значит, я принят в число резидентов Дома у кладбища.

Правда, анархистские порядки порой дают сбой: как-то обнаружилось, что за неделю очень многие не сделали уборку. У раковины выщипается гора немытой посуды, а пол, как в грязном подъезде. Пришлось ввести штрафы, чтобы повысить дисциплину.

— Вот вы много рассуждаете о Прекрасной России Будущего, — разоткровенничался в зале после субботнего пикника один из поселенцев, средних лет интеллигентного вида мужчина в очках. — Но посмотрите вокруг! Если вы настолько не уважаете меня и других, живущих в нашем общем доме, не можете помыть за собой посуду или убрать стол, подмести пол, о какой ПРБ вы говорите? Не хотел бы я жить в такой России, где люди ведут себя как свиньи... Дело не только в чистоте и порядке, а в элементарном уважении друг к другу. Если вы здесь его не проявляете, то что грезить о большем.

Другой предмет горьких шуток — собака во дворе, которую посадили на цепь после того, как она укусила соседку. «Кто в теремочке живёт? Анархисты из России. Понятно...». Не смешно, но есть доля правды.

* * *

Вчера говорил с мамой, так приятно было слышать её голос за две с лишним тысячи километров. В декабре она сломала ногу. Ходит уже

сама, в том числе по лестнице, пока с ходунками. Пытается выбить в поликлинике реабилитацию, но в Питере всё занято. Братья доделывают ремонт на кухне, и скоро она, наконец, переедет от одного из них в свою новую (мою бывшую) квартиру.

* * *

В Доме у кладбища новые проводы и новые постояльцы. ЛГБТ-люди тянутся журавлиным клином в Нидерланды: только при мне улетели туда просить убежище двое, ещё несколько — на очереди. А всего, говорят, за время существования шелтера туда уехал почти десяток обитателей.

Сегодня пришла заселяться гей-пара, молодые ребята из Карелии, но не осталась — мест в отдельной комнате нет, а по разным — не захотели. Решили на три дня снять комнату в хостеле неподалёку, чтобы вместе поработать над кейсом для убежища. Или напугала их скученность народа и прозаические условия быта, общие душевые? Не знаю.

Жаль, что молодёжь со всей России, талантливая, образованная, вынуждена покидать страну, которая объявила их врагами, чуть не «экстремистами», и в которой о равноправии пока можно забыть — выжить бы.

Ещё приехала женщина с двумя детьми, ровесниками или погодками, мальчиком и девочкой. Её условия не испугали. Готовит на кухне, дети в столовой играют в дворовую собаку, Нолу. Один убегает, другая догоняет, и наоборот — задача схватить, бегая вокруг столов. С их появлением атмосфера шелтера сразу стала уютнее.

* * *

Вчера на Госуслугах прилетел штраф, решение по административному делу вступило в силу. Отсюда всё это выглядит каким-то мелким, неважным. Думаю, что принял правильное решение, покинув Россию в январе. Будущее по-прежнему туманно, но вижу в нём и новые возможности.

* * *

Район кладбища отделяет от города узкий железнодорожный туннель, проделанный в каменной насыпи. Над ним ходят грузовые поезда.

По туннелю машины могут проехать лишь в один ряд — в ту или другую сторону, поэтому иногда здесь образуется очередь. Перед въездом, где узкая часть расширяется, кто-то написал на стене огромными округлыми буквами слово «Добро» на латинице.

Сбоку в туннеле, после нескольких ступенек, узкий проход для пешеходов, огороженный ржавыми металлическими перилами. Здесь тоже не разойтись, поэтому, если кто-то идёт навстречу, надо ждать перед входом. Высокому человеку придётся пригнуться. От самих сводов веет сыростью.

Кажется, этот туннель — чёрная дыра, соединяющая покойный, призрачный кладбищенский мир с миром живых, иным временем, пространством и ритмом жизни. Его не миновать, он всякий раз возникает перед тобой, когда идёшь в сторону центра или возвращаешься в Дом у кладбища.

* * *

В России первое дело об «ЛГБТ-экстремизме». Двое работников гей-клуба в Оренбурге помещены в СИЗО, уголовное дело возбуждено за «организацию деятельности экстремистского сообщества». Сроки по этой статье суровые.

Трудовая повинность

В Доме у кладбища есть трудовая повинность. И это справедливо — обслуживающего персонала здесь нет, а общие пространства быстро загрязняются. Часть задач закреплены за отдельными людьми, другие — распределяет бот. Например, уборка общего зала, уборка туалета и душевой, кухни — здесь наряды на два дня, так как пачкается всё очень интенсивно.

Кто-то халтурит, другие не убирают вовсе, так что пришлось даже ввести штрафы, а кто-то делает добросовестно. Я недавно дважды убирал подвальный общий зал — самое большое пространство дома. Здесь не только работают, но и едят, и пьют, нередко что-то проливается, становится липко. За неделю выметается гора мусора, на белой плитке появляется много грязных пятен.

Есть в этом что-то философское: знаешь, что скоро хаос возьмёт верх, но подметаешь, моешь, собираешь и расставляешь стулья и кресла. Не песчаные мандалы буддийских монахов, которые они создают, чтобы потом разрушить, но есть в этом сходный посыл.

Порой удивляет, что люди могут совсем не думать об окружающих. Сидишь, работаешь, приходит человек и на полную громкость с телефона слушает музыку — видимо, чтобы всем было слышно. Через полчаса мозг уже кипит от попыток игнорировать помехи. Оказывается, можно быть любителем артхаусного кино, размышлять о высоких материях, но не понимать элементарных вопросов общежития.

Другой приходит с ноутбуком, садится напротив через узкий стол и непрерывно кашляет и чихает на протяжении получаса, не думая отсесть, хотя столы свободны. Когда терпение иссякнет и вслух заметишь, что болеть сейчас не входит в твои планы, только тогда человек задумается и пересядет.

* * *

Цветут деревья. Ощущаю психологический подъём после спада.

Нас в комнате снова трое, приехал парень из Беларуси. Разговорился на кухне с той женщиной с двумя детьми. Оказывается, их тоже допрашивали следователи, причем без её присутствия. Выезжала она из-под подписки о невыезде по статье повторная «дискредитация».

* * *

Кажется, приспособился к грузинскому сыру. Он считается одним из древнейших, дошедших до наших времён. Сыр солонее брынзы,

не имеет яркого вкуса, да и текстура грубая, ноздреватая, на бутерброде не впечатляет. Но расцветает, когда добавляешь его на сковородку или в выпечку.

Я наострился делать что-то вроде овощного рагу с грибами. Беру брюссельскую капусту или брокколи, лук, морковь, красный сладкий перец, шампиньоны, тыкву и баклажаны. Овощи не жарю, а тушу на сковороде в собственном соку, когда подсохнет — значит почти готово. Добавляю специи, но без соли: хмели-сунели, карри, сухую аджику.

И в конце крошу ножом сыр. Как только он расплавится — перемешиваю и выключаю. Тут казавшийся невзрачным сыр раскрывается, наполняя блюдо незабываемым вкусом и ароматом.

Апрель

* * *

За неделю из Дома у кладбища уехали трое. Один активист отправился в Германию — по гуввизе, второй — в Чехию работать над проектом, и ещё парень-гей, за месяц отогревшись и собравшись с силами, — привычным для ЛГБТ-людей маршрутом в Нидерланды, через «миграционную тюрьму».

Интересно, что последний — участливый и провожавший всех, суеврно сказал, что летит в Сербию с пересадкой в Нидерландах, к другу на неделю, и провожать его не надо. Все, конечно, понимали, что это не так (слишком дорогая поездка для того, кто экономил на продуктах), но не перечили.

Дважды была «отвальная». Старожилы и новые постояльцы сидели за длинным столом, словно члены одной съехавшейся семьи, разговаривали, провожали уезжающих в новую жизнь. Ещё несколькими отказали в гуввизах, не найдя достаточных связей с Германией.

* * *

Решил вернуться к случайным прогулкам, обнаружил, что в пешей доступности — совсем другая жизнь. Фешенебельные отели, аккуратные скверы с фигурно подстриженными кустами, оживлённый проспект, смотровые площадки с видом на каменистые берега Куры и ночной Тбилиси в тысячах огней.

На сильном контрасте с ветхими частными домиками и безликими останками советского строительства в окрестностях кладбища испытал воодушевление. Подобное, наверно, чувствовали и те, кто покидал Дом у кладбища, когда прибывали в новую страну.

На следующий день после одной активистской встречи гулял с участниками по Тбилиси. Выяснилось, что один из них жил в Доме у кладбища в моей комнате за месяц до того, как я туда заселился:

— Видел там микросад растений на подоконнике? Это мой... И передай привет парню из Беларуси, с которым мы жили вдвоём.

Осознаёшь преимущество мест и неслучайность встреч, своего рода эстафету.

* * *

В Доме у кладбища «отмечают», что очередную обитательницу в России объявили в розыск. Поздравляют, что ей с детьми удалось выехать. В Тбилиси распускаются листья, цветут деревья, скоро город станет совсем зелёным.

Сидел на днях вечером в сквере, учил английский в приложении. Много было свободных скамеек, но подсел какой-то мужик. Щетина с проседью, лицо красное. Сидит, молчит и курит прямо на меня дешёвыми и едкими сигаретами. Стоически завершаю урок в дыму. Через несколько минут начинает болеть голова.

Он что-то говорит на грузинском. Отвечаю по-английски, что не говорю по-грузински. И он выдаёт:

— Братуха, а по-русски могёшь?

Я ретировался. Пожалуй, это то, к чему привыкнуть так и не могу. Когда не уважают того, кто рядом, не учитывают. Это бывает и в шелтере.

Недавно сижу с утра в общем зале, работаю. Приходят, включают на полную громкость телевизор. У меня, видимо, уже накапливается раздражение. Много сил уходит на сопротивление музыке, которая долбит басами. Включается фырчащая кофеварка — будто закипает в голове. Громкие разговоры, смех. В комнату не пойдёшь — заболел сосед, ему нехорошо.

Пара из Питера, приехавшая после обысков, беседует между собой, приглушая голос, чтобы не мешать другим. Неужели так бывает? Ощущаю родство. Парень, который включил музыку, вытягивает свою

шею, как индюк, всматривается с другого конца стола и пренебрежительно выкрикивает:

— Эй, вы что там шепчетесь? Не люблю, когда от меня что-то скрывают...

* * *

— Познакомьтесь, это мой молодой человек. Теперь он будет жить здесь, — сказал сегодня утром один из обитателей Дома у кладбища, симпатичный и добрый, будто не из этого мира, парень.

Показалось, что в этот момент подвал наполнил свет. Вчера его бывшая жена перебрала лишнего на вечеринке, они спорили. А сегодня он нашёл в себе силы принять себя и совершить каминг-аут.

Рассказывал про мать, которая с семи лет промывала ему мозги: «Главное, чтобы ты не стал геем», и отца, который бил, когда он улыбался. Я старался его поддерживать, говорил, что любая ориентация — нормально.

Поздравил с каминг-аутом. Теперь его парень живёт с нами в комнате, и снова все койко-места заняты.

* * *

Соседу из Беларуси одобрили французскую визу, через несколько недель получит и уедет.

Здесь, в Доме у кладбища, ничего нельзя оставить на потом. Не успеешь пообщаться, поговорить по душам — человек уже в другой стране, и неизвестно, пересекутся ли ещё ваши пути. За полтора месяца состав жителей обновился почти на треть. Всё время кто-то уезжает, взамен кто-то приезжает новый.

Написал бывший воспитанник из лагеря в Анапе, где я был вожаком, — оказывается, он уже год в Тбилиси. Господи, как же раскидало всех...

Напряжённое лицо

Сделав неотложные дела к завтрашнему посещению посольства, решил не идти домой — ноги сами потянули в сквер у набережной Куры. Сажу, читаю книжку на английском. Подходит пожилая женщина, приветливо спрашивает по-русски, что читаю. Заметив латинские буквы на обложке, переходит на английский.

Выяснилось, что она знает шесть языков, окончила институт в Москве, три дня провела в Чернобыле после аварии, а потом сбежала.

— Повезло, что я не была членом партии.

Говорит, что видела там такое, что лучше никому не видеть. Потом много лет приходила в себя, поправляла здоровье. Она живёт в доме неподалёку и выходит пообщаться с туристами — узнать что-то новое, да и языки попрактиковать.

— В семье свободно общались по-французски, а теперь память уже не та.

Наговаривает на себя: пять минут наизусть читала Лермонтова. Выжить, кроме пенсии, ей помогают занятия с несколькими учениками.

— Хотела поехать в Россию, отдохнуть в Ессентуках, но не дали визу, сказали, что льготное лечение только для чернобыльцев-россиян.

Предложил ей фрукты, вежливо отказалась. Рассказывала историю Тбилиси, ругала Путина. При этом жалеет, что связи республик нарушились после распада. Она очень любила путешествовать. Заведовала отделом в НИИ, занималась электроникой. Как говорит, техническую работу, «все эти схемы чертить», не очень любила, но коллектив был хороший.

— А как электроника развилась, мне показывали современный смартфон, чего там только нет! Можно путешествовать, не выходя из дома...

Расспрашивала, кто похоронен в некрополе Александро-Невской лавры, куда не попала во время командировки в Ленинград. Долготерпие, несмотря на непростую судьбу, объясняет радостью и интересом к жизни.

— Наверно, я не случайно к вам сегодня подошла. Заметила, немного лицо у вас напряжённое. Через все сложности, находите хорошие моменты. Не откладывайте на потом, живите, радуйтесь.

* * *

Услышал в разговоре, что N. покончил с собой. Оказалось, что это не он, а его тёзка — не отсюда, из другого дома в Тбилиси. Позже N. рассказывал, что вчера ему привиделось, как он умирает. Не могу сказать, что это совсем уж невероятный сценарий в Доме у кладбища, но пока обошло стороной.

* * *

Путь от Дома у кладбища до секции РФ при посольстве Швейцарии занял почти два часа. В электронную очередь на паспорт я встал ещё в декабре в России. Погода была хорошая, хотелось прогуляться.

Не успел пройти в огороженную решётками часть РФ и устроиться на холодном металлическом сиденье, как пришёл котик-подросток. Устроился на рюкзаке, лежавшем на коленях, и всё время ожидания провёл в полудрёме.

Вскоре подседа светловолосая молодая женщина, спросив, можно ли его погладить. Она приехала из Рустави, где снимает дом с детьми, застряла в пробках, чуть не опоздала. Оказалось, она из Донецка.

— После 2014-го прилетало, в основном, на окраины, а с 2022-го небезопасно стало и в центре. Всякие «лепестки» и прочее. За детей было страшно, и мы уехали.

Сначала они думали в Адлере отдохнуть, но дети там заболели сальмонеллёзом, «отдых» вышел под капельницами. Да и в самом санато-

рии обстановка была так себе, территорию патрулировали военные в камуфляже, дети были не в восторге.

В Грузии спокойней, но и здесь они порой ощущают флешбэки.

— В Рустави есть полигон, иногда ухаёт — и ощущение, что не уезжали. Сам город хороший, этнически разнообразный, в классе — более десяти национальностей. Уживаемся, есть дети российского оппозиционера, уехавшего белоруса и украинского патриота.

Переживает, что среди родственников случился разлад.

— Я так скажу: это всё ужасно, но я не считаю, что с одной стороны горе настоящее, а с другой — снаряды святые. Если у меня убьёт родителей, которые недавно приезжали, прожили два месяца и вернулись, так как не могут без дома, — моя беда будет не легче, чем горе тех, кого убивают в Харькове. И там, и там люди...

В Рустави металлургический комбинат, и трубы — словно в их родном городе, одно время они даже жили на улице Донецких металлургов. Говорит, многие приезжали с Донбасса, из Харькова ещё во времена СССР — работать, передавать опыт.

— Город небольшой, и там, где хрущёвки — народ во дворах поёт, играет, общается. Атмосфера одесских двориков...

Осваивают грузинский язык, хотят закрепиться. Слушал, пытался представить себя на их месте. Тут нас вызвали на оформление документов. Котика передал другому посетителю.

* * *

Сулутуни макая в сациви,
Не читай новостей из России.
Всё в цвету. И вино здесь сладко.
Там — аресты, обыски и посадки...

Горы зелены, небо — сине,
Не читай новостей из России.
Не Боржом, а чачи налей,
Из России не читай новостей.

* * *

К вечеру накрыла усталость и полезли чёрные мысли. Чисто физически — понятно. Недосып из-за раннего подъёма, стресс от встречи с чиновничьим учреждением твоей страны, четыре часа прогулки, возвращение по жаре. Хотя было в удовольствие: шёл новыми путями, мимо незнакомых скверов и домов, проводил рукой по кустам, радовался цветущим деревьям.

Поспал немного, буквально заставил себя пойти в душ. Стоя под струями, признался себе, что не в лучшей кондиции. Возможно, подача на новый паспорт была точкой, до которой я жил, отгоняя думы, уклоняясь от решений. Теперь она пройдена, снова вышла на передний план эта «подвешенность».

Ты уехал откуда-то, но так и не понятно — куда. Ты хоть физически и проживаешь в Доме у кладбища, но, по сути, бездомный.

Как сказал знакомый, улетевший к мужу в Германию:

— Адаптация в новой стране — как вторая работа. Не удивительно, что ты устаешь, если есть ещё работа, которая позволяет выживать.

А я даже не пытаюсь адаптироваться, успокаиваю себя: это временно. В этом оторванном, «перекати-поле»-состоянии есть один плюс — возможность задавать себе вопросы, думать о вариантах желаемого будущего. Раньше это тонуло в рутине.

* * *

Сосед по комнате, богемного вида высокий молодой парень из Беларуси, показывает ноги, покрытые красной сыпью:

— Аллергия на химикаты на автомойке. Но выбирать не приходится, завтра опять пойду.

Фирменные вельветовые брюки, изрядно стоптанные дорогие ботинки, твидовое пальто — вот и все остатки былой роскоши (его отец был обеспеченным человеком). Уезжал из дома он с двумя чемоданами и рюкзаком, сейчас всё его имущество умещается в рюкзак.

Поскитавшись по Марокко, где порой спал на улице, кажется, он повзрослел. Его целью было транзитом улететь во Францию и податься на убежище. В самолёт его не пустили, пришлось вернуться.

Посмотрев на мои занятия, принялся учить язык. В прошлом он снимался в кино, писал музыку, вот и здесь нашёл свой способ изучения — по французским песням. Скоро должны поставить визу. Во Франции ждёт любимая — трансдевушка, уехавшая с Кавказа.

К жизни он кажется не очень приспособленным. Несколько недель назад он был горд, что купил дёшево десять килограммов хорошей картошки. Скинул у торговки двадцать тетри с кило, принёс домой как трофей. Но в тёплой кладовке из мешка скоро стало попахивать, часть картошки проросла, часть сгнила. Пока его несколько дней не было, остатки переложили в ящик, вид потерял. Суровость быта.

Впрочем, жизненные уроки начались для него раньше, в 2020-м, в Минске. От места, где он жил — недалеко до Окрестина.

— Тогда показалось, что беларусы — могут, и я впервые ощутил гордость. А потом за друзьями пришли силовики...

Часть уехавших продолжают свой активизм и здесь — ходят на акции против местного закона об «иноагентах» поддержать протестующих.

* * *

Утром я наблюдал, как Седой взял в напарники молодого, который недавно совершил каминг-аут, и собирался на работу. Оказалось, что

работа была тяжелее, чем было обещано — им пришлось поднимать наверх бетонные блоки и мешки со строительной смесью. Хорошо, никто не повредил спину, не порвал мышцы.

— Как он выдержал, не представляю, кажется, сейчас упадёт, но вцепился, несёт, держится... — говорил Седой о своем напарнике.

Когда сегодня спросил о работе у молодого, лежащего в гамаке, он сказал, что это была самая тяжёлая физическая работа в жизни.

Заявить, что доля типичного обитателя Дома у кладбища легка, язык не повернётся. Но люди не жалуются, поддерживают друг друга. Молодой ещё и умудряется чинить вещи. Как-то во время застолья стали его обсуждать, и каждый вспомнил что-то хорошее. Золотой человек. Симпатичный, добрый, рукастый.

* * *

За неделю, что я отсутствовал, в Доме у кладбища трое новеньких. Пока пил в общей зоне чай, стал невольным свидетелем нескольких разговоров, погружаясь в ещё одну личную трагедию.

За общим столом я увидел худощавого, осунувшегося мужчину с изрядно поседевшими волосами. Он пребывал в возбуждённом состоянии: то сидел, бормоча «обыск», «всё изъяли», то вскакивал со словами «как звонить в телеграм», потом начинал ходить, снова садился.

Я постарался поддержать его и успокоить: обыск — неприятная история, но главное, что он на свободе.

Первый раз он говорил по телефону, видимо, с правозащитным адвокатом. Тот сказал, что жена отказывается от его услуг и вообще хочет, чтобы муж вернулся, так как обещали его «не сажать».

Вторым был звонок родным. Причиной обыска стали, по всему, антивоенные посты годовалой давности. Сначала жена и тёща были очень злы на мужчину.

— Заварил кашу, сам смылся в тёплые края, а нам теперь расхлёбывать.

Требовали от него срочно вернуться, тогда силовики якобы обещали «не объявлять его в международный розыск».

Изяли всю технику, в том числе компьютеры и телефоны жены, угрожали «затаскать по допросам», чтобы она потеряла работу из-за частых отлучек. Угрожали, что «любое разглашение информации», в том числе сотрудничество с адвокатом, будет иметь нехорошие последствия.

Он пытался убедить, что «политическим» редко дают условные сроки, и пользы от него, сидящего, семье было бы мало. Что все слова и действия следователей — попытка оказывать давление...

— Я тебе говорила: не пиши, молчи. Это ты виноват. Тебя не сбила машина на улице, это ты сам навлёк своими постами. А нам отдуваться... И что это за бесплатные адвокаты? Явно что-то нечисто. И как ты без работы, в чужой стране собираешься им платить?

С кухни потянуло горелым. Мужчина впервые решил потушить в эмалированной кастрюле овощи вместо каши на воде, о чём сообщил жене, но видно было, что мыслями он до сих пор в том утре, когда в дверь квартиры его семьи позвонили.

— И что, я тебя должна пожалеть за кашу на воде? — сказала жена, потом, через паузу, тихо добавила: — Думаю, это лучше, чем хлебать баланду...

Самым сложным стал разговор с сыном-школьником. Сначала он бодро, но немного штампами, рассказывал об учебных делах. Потом говорили о Гарри Поттере и других детских интересах, не затрагивая острые темы. Сын держался даже на словах отца, что они теперь, возможно, встретятся только через год в нейтральной стране.

Потом передал трубку обратно маме и расплакался. Плакала и жена, кажется, смягчившись за время разговора. А мужчина просил уделять

сыну больше внимания, так как теперь она одна за двоих. В конце разговор перешёл на дачу и посаженную редиску, которая теперь осталась в какой-то прошлой жизни. Просил их не перегружать себя — фиг с ними, с дачными посадками.

Карательная система стремится обуглить жизни людей, как овощи в кастрюльке. Я слышал обиду тётки, всхлипывания сына, дрожащие нотки в голосе отца, смотрел на его поседевшие волосы и думал о том, сколько судеб опалил этот пожар...

* * *

В релокантской жизни невозможно предсказать, где и кого ты встретишь из соотечественников. Уже писал о моём казанском подопечном (был у него вожатым в Анапе), который больше года живёт в Грузии.

Потом встретил в Тбилиси девушку из Петербурга, с которой вместе посещали суды по политическим делам. Она ходила на заседания с оранжевым клоунским носом, уехала в Армению после того, как завели дело за посты, которые она решила не удалять.

В Батуми пересеклись с человеком с Дальнего Востока, с которым жизнь свела пять лет назад в Киеве. Оказалось, он живёт в соседнем жилом комплексе от места, где я остановился.

Прогулялись по набережной. Выяснилось, что он снимает квартиру со своим парнем, с которым познакомился в шелтере в Ереване. А тогда в Киеве он не был открыт, и только в кулуарах, после моего бисексуального каминг-аута, признался, что тоже равнодушен к парням.

Потом его стали преследовать спецслужбы, и он, не с первой попытки, но смог уехать из России. Сейчас он получил визу в Германию, ждёт такую же для своего парня.

В небольшом ЛГБТ-френдли кафе, оформленном женскими силуэтами, за стойкой работала владелица из Биробиджана — улыбчивая женщина неформального вида в круглых очках. Одно время она за-

щищала опального Сергея Фургала, после прессинга пришлось уехать. Варит кофе, мы общаемся. Посмеялись по поводу радужного флага ЕАО, взял на память стикер кафе, на котором она изображена в мультяшном стиле.

* * *

Деревья в городе позеленели, в тот же цвет окрасились и горы. Можно уже ходить в шортах. Скоро установится жара.

Три года назад я оказался в Грузии впервые, жил здесь три месяца. Теперь — идёт четвёртый. Не могу назвать Тбилиси родным городом, но мы привыкли друг к другу. Спасибо стране, где можно найти временное пристанище и не чувствовать себя чужим.

Май

* * *

Недавно один из ЛГБТ-обитателей Дома у кладбища получил беженство в Нидерландах за очень короткий срок — полтора месяца. Правда, у него в кейсе был факт тюремного преследования.

Во время обсуждения выяснилось, что в Нидерланды транзитом удалось улететь не всем, кто хотел, а лишь тем, у кого были российские документы, славянские лица, имена и фамилии.

У россиянки с белой кожей шансов больше, чем у её черноволосой и чуть смугловатой подруги с кавказским/азиатским бэкграундом, которую дважды не сажали в самолёт. Светловолосой подруге удалось улететь с первого раза.

Рассказывали, что даже визы получить из стран Центральной Азии в Европу сложнее. Знакомая так не смогла попасть на европейскую правозащитную конференцию, ей не поверили, что она собирается вернуться обратно в Бишкек.

* * *

Бывший сосед, Сибиряк, вернулся из Индии загорелый и довольный. Так как в Доме у кладбища не было свободных мест, он разбил палатку во дворе. Не привыкать — в Гоа почти всё время ночевал на пляже.

Индийцы ему понравились своей дружелюбностью и ненавязчивостью, да и цены приятно радовали относительно грузинских. Кило манго — меньше ста рублей.

Интересно смотреть, как некоторые обитатели Дома у кладбища, оправившись от первоначального эмигрантского шока, начинают находить в жизни новые грани. Кто-то впервые учится готовить, занимается работами по дереву, шкурит и красит паллеты, облагораживает сад. Кто-то обретает новые желания или исполняет давние мечты.

Котятa

Местная кошка, которую Седой подкармливал сосисками, окотилась. Вскоре она в зубах перетащила котят к нему на кровать, в его подвальную каморку. От подарка он был не в восторге, стал думать о том, чтобы вместо занавески поставить дверь.

На собрании решили переселить котят в кладовую на дворе, купить корм, а кошку потом стерилизовать.

Когда котятa чуть подросли, их излюбленным местом стало старое кресло под навесом. Ответственность за них взяла на себя девушка из пары, приехавшей из Питера. Животные для многих в Доме у кладбища — отдушина. Вот и собаке позади дома построили вольер. Теперь она не сидит на цепи, поэтому лаять стала заметно реже. Дважды в день её водят гулять.

* * *

Вчера сидел со знакомым на детской площадке напротив кладбища перед финальным подъёмом, и на скамейку подсел местный мужчина за шестьдесят. Он говорил на хорошем русском с едва уловимым акцентом, представился Михал Михалычем, шутил, попивая из банки пивко.

Худощавый, в очках, с большой блестящей лысиной посреди головы, на правах местного рассказывал о Тбилиси и жизни здесь. Рекомендовал барбекю в горах. Сказал, что пьёт воду только утром — с кофе, а остальное время проживает на пиве, которого выпивает 4-5 банок за день маленькими глотками. Пьяным он не выглядел. Рассказал анекдот про кладбище, заканчивающийся словами: «Я тоже, когда был живым, боялся...».

Несколько раз мимо проезжали машины его сыновей, и он всякий раз приговаривал: «Младший научный сотрудник поехал», «Старший научный сотрудник поехал». Видимо, семья из технической интеллигенции. Говорит, что приходится подрабатывать, так как на пенсию ему не выжить — ушла бы вся на лекарства.

Прошёлся по священникам, которых «развелось как собак нерезаных», качеству пива и минералки, которую мы пили, — «сплошная химия».

Рядом с ним лежал упитанный пёс в ошейнике, периодически крутящий головой в стороны. В болоте неподалеку на все голоса квакали лягушки. Мёртвые смиренно ожидали пасхальных посещений родственников, когда кладбищенская тишь оживится.

* * *

С приездом знакомого я временно переехал в другую комнату на второй ярус кровати. Здесь раньше жил парень-татарин, который зимой пригласил меня в шелтер. Интроверту по натуре, ему было тут тяжело ментально, обострились и физические заболевания. При этом он был душой компании, готовил что-то для всех на вечеринках.

Оказалось, моя первая комната, помимо двух окон — ещё и больше других, а в моей новой места совсем немного, метров десять-двенадцать. На стене увидел следы плесени.

Парень, который сделал каминг-аут, воссоединился со своим любимым, благо оба стройные, поместились на односпальной кровати.

У меня в планах — съехать из Дома у кладбища на побережье на месяц, пока не сезон и цены умеренные, совместив интенсивную работу (здесь ей мешает шум) с жизнью у моря.

* * *

Я возвращался из местного комьюнити-центра, когда увидел в темноте мужика, ковыляющего ко мне от машины на обочине.

— Ойл, это что, масло? — спросил он на русском языке.

Во взятом напрокат автомобиле, куда я подсел, индикатор действительно показывал недостаток масла.

— Тебя как зовут? — спросил мужчина.

На вид ему было лет пятьдесят с небольшим. Высокий, среднего телосложения, с короткими с проседью волосами, прихрамывает. Я представился, а дальше он заговорил про себя:

— А я Аполлон. Вообще, я в Греции живу, мать гречанка, но вырос на Урале, потому по-русски говорю. Скажи, как мне попасть на Красный Мост? Это где-то на границе с Азербайджаном в сторону Рустави.

Посмотрел, есть такой в Гугл-картах. Он рассказал свою историю: ему достался в наследство дом, который он едет срочно продавать, так как нашёлся покупатель. Нотариально оформил, но его локальная греческая банковская карта вне территории ЕС не работает. Звучало всё подозрительно, но говорил он складно.

Хромал потому, что была операция на позвоночнике. Сказал, что дал таксисту денег, тот уехал за маслом и пропал с радаров.

— В Пасху и обманул...

Объяснил Аполлону, что снимаю койку у кладбища и спонсором бензина и масла быть не готов. Но всё-таки, после недолгих раздумий, решил дать немного на горючее. Он божился, что на обратном пути обязательно вернёт.

Наверно, это беспечно, но показалась слишком сложной схема развода. Обменялись телефонами, созвонились.

— Будешь в Греции, с радостью приму у себя.

Подумалось, не каждый день Аполлон в Грецию приглашает. Такая вот пасхальная история. Интересно, вернёт долг или тоже обманет в Пасху?

С тех пор Аполлон больше не объявлялся. Впрочем, не уверен, что это его настоящее имя.

Цинандали

Вечер подходит к концу. На доньшке бокала остаётся на пару глотков цинандали. Позади два с половиной часа разговоров в уютном грузинском кафе. Моя собеседница, интеллигентного вида немка в очках, прекрасно говорит по-русски. В девяностые четыре года жила в Питере, преподавала.

На её юность выпало крушение железного занавеса и Берлинской стены. Она выбрала изучать русский добровольно и связывала с Россией большие надежды. Её дочка уже взрослая, школьные заботы позади: «Хорошо иметь взрослых детей». Их брак с мужем приближается к юбилею.

После небольшой паузы она говорит:

— Помнишь, на одной встрече осенью мы делились своими ощущениями от ситуации вокруг, и ты для иллюстрации жизни в России рассказал о своей бисексуальности. Что с двух сторон ты плохой: и внутри — «недобиток», против государственной политики, и снаружи — гражданин государства-агрессора. Так и бисексуальный человек подвергается давлению с двух сторон: общества и сообщества.

У меня после этого были метания и много вопросов в голове, путаница. Очень непросто женщине за пятьдесят, состоящей в браке десятилетия, признать, принять это в себе. Но теперь я могу сказать честно и уверенно: я бисексуальная женщина. Спасибо тебе за те слова, которые запустили этот процесс принятия...

Предложил последний тост за то, как важно быть собой и какое счастье не скрывать это. А ведь я уже забыл о том будничном каминг-ауте. Оказывается, это было не зря.

По дороге в Дом у кладбища меня переполняли эмоции. Вернувшись, открыл пакет, который мне передали люди со встречи, куда я не смог попасть. Читая послания на открытках, ощутил себя счастливым ребёнком утром первого января. Засыпал с улыбкой и благодарностью.

* * *

На камине в подвальном зале Дома у кладбища беспорядочное сосредоточение вещей.

Открывает причудливую картину собранный из картонных деталей макет Собора Парижской Богоматери. Возможно, кому-то это занятие скрашивало время в ожидании французской визы.

Песочные часы, от которых веет затхлым, остановившимся временем. Коллаж из рваных газетных кусочков со словами «Придите ко мне из осколков».

Флаги Грузии, Украины, ЕС и бело-красный Беларуси. По центру — выкрашенный в розовый бюст Ленина с зелёным бейджем участника марафона.

Справа — статуэтка балерины из «Лебединого озера», чёрно-жёлтый веер с иероглифами. Напоминает, что некоторые уехали из Дома у кладбища на Восток.

Коробка для пожертвований с лозунгом «Купим туалетную бумагу», фигурная глиняная бутылка от грузинского вина, очки для сварки, банки, кружки и коробочки.

В камин повадилась гадить кошка, после чего обитатели постановили кормить её на улице и в дом не пускать.

Периодически бюст Ленина кто-то поворачивает спиной, но потом он снова смотрит с прищуром на обитателей Дома у кладбища. Розовый, блестящий как леденец, из какой-то другой жизни, так контрастирующей с местным бытом.

Кобулети

В Кобулети ещё не сезон. Большинство магазинчиков и кафешек — не работают, вызывают ощущение заброшенности. Почти пусты гостевые дома и мини-отели.

Местные неспешно ремонтируют и приводят в порядок свои домики — источники будущего дохода. Слева работает перфоратор и орудует маляр, справа восстанавливают тротуар, всё перерыто — говорят, проводили газ.

В отличие от крупного, пышного Батуми, здесь всё скромно, но как же радует это спокойствие после напряжённой последней недели. Пустынно, промозгло и сыро. Большую часть дня шёл дождь. Впрочем, в такую «питерскую» погоду хорошо работается.

Под вечер дождь стих, я вышел прогуляться к пляжу — никого нет в пределах видимости. Море и волны успокаивают. Деревья на набережной все кривые, враскорячку, словно танцуют — видимо, сильные здесь дуют ветра.

* * *

Получил новый волонтерский опыт. Девушка из Центральной Азии, жившая в Доме у кладбища, попросила помочь с переводом во время созвона с сотрудником организации, помогающей ЛГБТ-людям выезжать в безопасные страны.

Сначала переводил с английского на русский, потом — в обратную сторону. К своему удивлению, волновался и переспрашивал довольно редко. Видимо, несколько месяцев изучения английского в шелтере не прошли даром.

Девушку дважды не сажали в самолёт в Нидерланды, в этот раз — будет пробовать вылетать из аэропорта Стамбула в другую страну. Обсуждали технические вопросы и то, что могут спросить, как лучше отвечать до посадки и при сдаче полиции.

Ощутил стимул учить английский дальше — это не вещь в себе, а то, что можно использовать для помощи другим.

Через несколько дней пишет:

— Я в Мадриде. Хотя чемодан улетел в Гавану...

Помню, во время созвона советовали, чтобы самые ценные вещи она положила в ручную кладь, так как чемодан может улететь на Кубу. Должен вернуться позже, но главное, что с третьей попытки у неё получилось попасть в ЕС. Радует сопричастность. Девушке ещё предстоит получить беженство, путь непростой.

* * *

Как ни странно, Питер почти не снится. Конечно, когда вижу в ленте фотографии, или их присылает брат, — немного ёкает сердце, всё-таки родной город.

Снились кошмары: то мне надо лететь в Китай и почему-то через Россию. Спрашиваю, а можно не через, опасно, а мне говорят, что нужно взять какую-то форму в жилконторе. У меня паника...

Одна поэтесса пишет, что ей нравится, что в эмиграции мало вещей, и я тоже думаю — как много было дома вещей и книг и как мало из них я носил, читал, пользовался. Вещами обрастаешь, они над тобой обретают власть, отягощают. Нет, есть минимум любимых, важных предметов — они подпитывают. Но избыток отвлекает от важного. За три месяца я занимался английским больше, чем за два года дома, хотя учебники, диски — всё было.

Скучаю не по вещам, а по людям. Не зайдет в гости мама, не увидишься с папой и братьями, не погостишь у московской подружки, не заедешь к вдове дедушки помочь на даче и послушать про её юность. Вот именно такого, повседневного, неторопливого, осязаемого общения не хватает. Звонки лучше, чем ничего, но этого не заменяют.

Гнетёт зыбкость под ногами, невозможность планировать дольше, чем на пару месяцев, перепады настроения — от радости до бессилия. Время взвесить, отрезать то, что уже неактуально, и добавить того, что хочется.

Помогает ощущение доверия к миру, что он меня любит, что я здесь нужен, даже если порой ошибаюсь и не выдерживаю. Он готов обнять и явить калейдоскоп возможностей, главное — не отчаиваться.

Июнь

* * *

Пожалуй, самое сложное в последний месяц — звуки. Начиналось с перфораторов, отбойных молотков, вибромашин, утрясающих щебень, скрежета лопат. Машины через одну без глушителя, ещё местные любят включать музыку с басами на полную громкость в любое время суток и гудеть, как сосед, подгоняющий по утрам детей в школу, — клаксоном вместо будильника.

Через несколько метров соседний дом, где частенько собираются шумные компании. Из приоткрытой двери раздаётся рык тигра, не меньше. Это храп водителя большегруза. Бодрствуя, он предпочитает громкие спортивные трансляции по телевизору.

Сложно привыкнуть к тому, как люди здесь громко разговаривают. Старушка кричит на сына, мужчины машут руками и хрипят, любовники что-то доказывают друг другу. Это выглядит как утрированная драма из кино, я не кажусь себе живым на фоне этого фонтана эмоций. Надо вырасти здесь, чтобы стать его частью.

Люди кричат, хлопают дверьми или калитками, поют и устраивают дискотеки за полночь, произносят тосты, смеются. Громкость в несколько раз выше привычной. Возвращаются веселые компании, громко беседуют соседи — всё время думаешь, не пора ли вызвать полицию или скорую? Иногда играет местная футбольная команда, крики болельщиков заполняют всё вокруг.

Кажется, о звуках Кобулетти я бы смог написать несколько страниц в стиле начала «Парфюмера» Зюскинда. Беспокоит, почему я стал к ним так уязвим, почему они перегружают меня, вызывая физическое болезненное ощущение раздражения?

Главная мечта сейчас — неделя тишины. Точно знаю, что подарю себе к дню рождения — закрытые наушники с хорошим шумоподавлением.

* * *

От брата вчера узнал, что папу госпитализировали на скорой в больницу. Он не мог спать из-за боли в ногах — суставы опухли, появились язвы, сложно стало ходить. Конечно, после увольнения отец сдал, двигаться стал меньше, благо теперь живёт в отдельной квартире. В августе ему исполнится восемьдесят.

Поговорил сейчас с ним, и на душе легче стало, почти полгода не слышал папин голос. Потом звонил маме, с ней общаемся чаще. Какие-то вещи начинаешь по-настоящему ценить, когда понимаешь, что они конечны. Физически не зайти, не обнять. Только родительские голоса соединяют города, страны и жизни.

Скорая

Вернулся в Дом у кладбища. Неделя выдалась непростая. Пришлось примерить на себя роль социального работника на волонтерских началах. Визит к психиатру на другом конце города, поездка в специализированную аптеку за лекарствами, а через день на скорой — в больницу, всё в качестве сопровождающего.

Знакомый — интеллигентного вида немолодой мужчина в очках — упал и расшиб голову. Видимо, побочный эффект препаратов. Вначале я думал, что его напоили или «накурили», но не нашёл тому подтверждения. Кто-то забыл на столе на улице телефон, начался дождь, он пошёл искать владельца по комнатам и споткнулся.

— У меня дети вышли и видят, человек валяется в крови, с разбитой головой, перепугались, — рассказывала женщина из шелтера.

Пока ехали в прохладной скорой, прикрыл его курткой. Надеюсь, удастся оклематься — в понедельник самолёт из Тбилиси в одну из стран ЕС. Сижу у приёмного покоя, жду вердикта врачей. Непросто быть одиноким геем в возрасте, потерявшим единственного близкого человека — маму. Как хорошо, что в своё время она приняла его — сразу и с любовью.

Немного совестно сейчас, что, проведя одну ночь с ним в комнате — вернулся в старую, побольше, с двумя окнами. Всё из-за запаха корвалола, который он регулярно пил, и останавливающегося во сне, хрипящего дыхания. Казалось, он вот-вот задохнется. Я не мог уснуть рядом, утром чувствовал себя разбитым и решил переселиться.

В больнице пробыл до рассвета, ожидая подопечного. Хорошо, что купил на днях наушники с шумоподавлением — они заглушили звуки от подъезжающих машин скорой, разговоры посетителей и гул какого-то оборудования.

Врачи объявили диагноз: перелом носа, сотрясение мозга и гематомы. Рекомендовали оставить на пару дней в больнице, выставив счёт на круглую сумму. Хорошо на карте были деньги, позже часть обещал возместить его друг из Германии, а часть выдали из казны Дома у кладбища.

День пошёл насмарку, голова после пробуждения побаливала — не осилил пойти в кафе на концерт к трансдевушке, живущей в шелтере. Но было тёплое ощущение.

* * *

Сегодня провел ещё пять часов в больнице. С пострадавшим добились выписки, а до того прогулялись с тем добрым парнем, решили порадовать нашего товарища, купили очки с футляром взамен разбитых, распечатали документы. Пациент с повязками крест-накрест, фиксирующими нос, выглядел эпично, но бодро.

— Вы ведь сын? — спросил охранник.

Не стал отпираться. Завтра с утра повезу новоявленного «папу» в аэропорт. Надеюсь, всё пройдет успешно. Можно будет выдохнуть... Помощь другим отнимает силы, время, нервы, иногда деньги. Но приносит радость. Порой «огребаешь» за хорошее, тот же Аполлон так деньги и не вернул. Делаешь не ради благодарности, но внутреннее удовлетворение от «уменьшения мировой энтропии» того стоит.

Прямая демократия

Вчерашним вечером в Доме у кладбища прошло еженедельное собрание. Вместо сорока минут оно заняло два часа. Один эпизод особенно врезался в память.

Пришёл парень, который приехал несколько месяцев назад, но собрания регулярно пропускал, несмотря на угрозу штрафов. Сублильный, лет двадцати, замкнутый, иногда чуть заикающийся, пару недель он жил в одной со мной комнате. Поделился, что гей, но угрожали ему по политической статье, жил он в приграничном с Украиной регионе.

Тихий, спокойный, каких-то нареканий у меня к нему не было, но выяснилась одна особенность. Он покупал чипсы, напитки, шоколадки и подобную снедь, а пустые бутылки и обёртки бросал под кровать. Один раз я уехал на неделю, а вернувшись, обнаружил, что он переехал в другую комнату, не поладил с ребятами.

В комнате появился большой чёрный мешок, как я думал, с вещами. Со временем из него стало подтекать что-то липкое и появился неприятный запах. Оказалось, мешок полон мусора, особенно много было банок и бутылок от газировки и энергетиков.

Раздельный сбор, принятый в доме, мой сосед не жаловал, да и хотя бы выбросить эту гору мусора в контейнер рядом ему в голову, видимо, не приходило. Потом соседи говорили, что собирали следы недельного веселья отовсюду, особенно из-под кровати.

Денег за проживание он давно не давал, обещая, что вот-вот заплатит, когда появятся, хотя его видели то в кафе, то в игровом клубе. А главное, как только он был принят в состав постоянных жильцов — перестал убираться.

Заселяясь в шелтер, ты соглашаешься с правилами, включая необременительную еженедельную уборку. Тут нет персонала, все живут на равных, и задачи по уборке и другие хозяйственные обязанности распределяются на всех.

Собравшиеся пытались объяснить ему, что после первого льготного месяца за дом платят по рыночной стоимости, делят арендную плату и коммунальные услуги на всех постоянных жильцов, и если кто-то не платит — это ложится бременем на других.

Отказ от уборки общих пространств приводит к тому, что другим приходится делать двойную работу или жить в антисанитарных условиях. Денежные неурядицы бывают у многих, финансово благополучные люди снимают своё жильё, а не койку у кладбища, но соблюдать законы общежития все жильцы обязаны.

На справедливые претензии он отвечал, что имеет дела поважней, чем орудовать веником и тряпкой. Его цель уехать в Европу, а до того прокачивать навыки, пока его кейсом и покупкой билетов в ЕС занимаются две ЛГБТ-организации.

На собрание он пришёл с единственной целью и «надеждой на прямую демократию», чтобы преодолеть вето ответственного за шелтер, который сказал ему, что если в субботу он в очередной раз не сможет улететь, то назад его не примут из-за вопиющего нарушения правил.

— Я поддался на твоё обаяние, бесплатные консультации с психологом обеспечил, обещаниям верил, а ты этим пользовался, обманывал снова и снова. Больше я этого терпеть не намерен!

В завершение реплики ответственный за шелтер не выдержал и сорвался на нехорошее слово. Парень спокойно ответил, что любые оскорбления неприемлемы, при этом всем своим видом показывая, что собравшихся он глубоко презирает и находится среди нас вынужденно.

Удивительно, на что рассчитывал этот юноша? Естественно, после таких речей подавляющее большинство проголосовало против, было всего несколько рук за то, чтобы оставить за ним право на проживание. Кажется, такого поворота он не ожидал, и перед тем, как уйти с собрания, громко хлопнув дверью, эмоционально произнёс:

— Я это так не оставляю, я буду жаловаться на коменданта шелтера! Вы мне, преследуемому в России, обязаны обеспечить проживание.

Прямая демократия принесла неприятный сюрприз...

* * *

Эпопея с загранпаспортом, начатая ещё в декабре в России, наконец, завершена. Получил новый сегодня. Ходил в ведомство в футболке, которую последнее время не надевал — там надписи Past, Present и Future, из которых первое и последнее слово зачёркнуты. Когда-то я покупал её как напоминание «жить в настоящем».

Теперь ощущение, что в ней стало тесно. Нет, она сидит свободно, не жмёт, это метафорически. Понял, что не хочу жить только здесь и сейчас, с зачёркнутым будущим. Хочется определённости в планах хотя бы на ближайший год, чего-то размеренного, домашнего, но в рамках нового жизненного этапа.

Перелом

Я открываю дверь в комнату и слышу женский пьяный, прокуренный голос:

— Посмотрите, мой сын пидо...ас!

— Мама, ещё раз поздравляю тебя с днём рождения! Я тебя очень люблю!

У соседа маникюр с ярким оранжевым лаком. Именно он и вызвал острую реакцию заметившей это матери.

Звонок выключается, он кидает телефон об пол, следом летят и ломаются наушники, которые я дал ему на время. Сосед в исступлении, с криком бьёт кулаком монитор, на котором только что было изображение пьяной женщины в кругу собутыльников.

В моей голове звучит голос доктора, к кому мы ходили на днях, после сломанного в подвале стула при ссоре с другим резидентом:

— Ты же понимаешь, что таблетки — только поддержка в сложной ситуации. Тебе нужна терапия, ты должен научиться жить с этими эмоциями.

В конце часового приёма он подошёл к этой женщине лет шестидесяти и спросил:

— Можно вас обнять?

Они так стояли минуту, а я радовался, что он смог преодолеть страх психиатров, ведь в Кыргызстане его врач обещала сдать друга в больницу, потом его выдали в Россию и осудили на много лет.

К сожалению, в аптеках по пути лекарств не было, он собирался купить их завтра с утра в специальной, которую удалось найти. А сегодня весь день боролся с собой: поздравить ли маму, вспоминая всё плохое и хорошее, что она принесла ему.

Я думаю о том, что, наверно, у него сейчас флешбэки, как мать с семи лет била его пластиковой трубой, назидательно повторяя: «Только не будь пидо...асом». И как отчим лузил его каждый раз, когда он улыбался, пока он совсем не потерял способность выражать эмоции.

В девятнадцать он снова учился улыбаться и демонстрировать на лице мимику, смотрел в зеркало, снимал себя на телефон. Не понимал, чего сам хочет, постоянно пытаюсь быть хорошим, подлаживаться под то, чего от него ждут другие, но всегда оказывался плохим. Как он сохранил веру в людей, доброе отношение к ним, желание помогать, часто жертвуя собственными делами?

— Кажется, я сломал руку. И это только моя вина...

— Может, съездим в травмпункт?

— Нет, ты и так уже мне помогал. Мне стыдно, я не умею просить о помощи.

Приходится задействовать Седого, который имеет на него влияние. В конце концов, сосед сдаётся и соглашается поехать в больницу.

В разгаре день рождения ответственного за шелтер, люди расслабляются во дворике под виноградными лозами. Приготовлены угощения, вносят торт со свечами. Светятся лампочки на гирляндах — через несколько минут сменится день.

Время близится к полуночи, и нам советуют вызвать бригаду скорой, иначе могут не принять в больнице. У меня плохо ловит сеть в подвале, и я прошу транспарня, который влюблен в него, вызвать скорую.

Вначале он бросает:

— Может, всё-таки ты? — смотрит на меня, потом звонит.

И тут мне становится стыдно, что я забыл о типичных для транслюдей рисках. Диспетчер спрашивает данные вызывающего скорую, и тому приходится называть свой деднейм (паспортное имя, не соответствующее гендерной идентичности). Я не знал, что у него не поменяны документы. Извиняюсь, что в спешке не считал ситуацию.

Чтобы второй раз не привлекать к Дому у кладбища внимание санитаров, мы выходим к дороге и ждём там на лавочке. В какой-то момент соседа начинает трясти, мы обнимаем его.

— Интересно, что местные подумают: три мужика обнимаются, — говорит транспарень.

— Эй, мужик, говори за себя, — парирует агендерный человек, словивший руку.

Мы смеёмся, и его отпускает начавшаяся было паническая атака.

Подъезжает скорая, едем на ней в больницу. Транспарень говорит, что у него страх скорых из-за опыта принудительной госпитализации, где его наказывали препаратом, от которого «глаза вылезали из орбит», а врач втемяшивал:

— Запомни, никакого транссексуализма не существует, ты просто шизофреничка.

Приезжаем в больницу, где перелом подтверждается, нас отпускают только через три с небольшим часа. У пострадавшего из-под гипса торчат оранжевые ноготочки, а у персонала больницы есть новый повод для сплетен.

Транспарень на последние деньги сбегал в круглосуточный за сигаретами, которыми они вдвоем с удовольствием затягиваются...

Когда они рассказывают эпизоды из жизни — это сплошной поток боли, унижений, травли, за редкими исключениями доброго отношения людей, которые помогали в сложный момент. Они сильные, что пережили всё это, неудивительно, что психика на пике не справляется.

— Мне нужна когнитивно-поведенческая психотерапия, как уеду отсюда. Пока буду на лекарствах. Иначе я не могу писать кейс, каждый раз проживая это снова, будто меня изнутри раздирает шипами. После этого хочется только умереть, чтоб не мучиться...

Транспарень завтра идёт на клининг — скинули заказ на уборку квартиры, дадут за работу сорок лари.

В больнице насчитали двести, я заплатил, не жалко...

— Надеюсь, в его непростой жизни теперь наступит перелом, — пишет подруга из Питера.

* * *

Над Домом у кладбища навис какой-то злой рок. Вторая скорая за неделю, сломанные стулья, монитор, нос, теперь рука, ещё недавно была пара ночных скандалов, к счастью, без членовредительства. Глядишь, буду знать все местные больницы, а скорая станет привычной такси. С женщины в психиатрии пора брать комиссию за поток клиентов.

Если серьёзно, в таких ситуациях закаляешься. Помогает, когда можешь, несмотря на время, деньги. Главное — не заиграться в спасателя.

Не хватает проектов медицинской поддержки людей, которые находятся на дне, в том числе релокантском, травмированных, у кого нет страховки и денег. Ещё в такие моменты понимаешь, почему занимаешься активизмом — чтобы уменьшить ксенофобию, травлю, насилие и дискриминацию.

Рабочий вопрос

Отдельного упоминания заслуживает быт некоторых обитателей Дома у кладбища.

Деньги рано или поздно заканчиваются, а у кого-то их и не было, многие выезжали экстренно. Я встречал здесь людей, которые ели несколько раз в неделю, по случаю. Или у кого-то весь рацион состоит из гороха и геркулеса, человек их готовит по очереди. Неудивительно, что при такой вынужденной монодиете организм начинает сдавать, и мозг ведёт себя не очень эффективно.

— Я смотрел на человека, который ел шаверму, и хотелось его убить. Я такого деликатеса не мог себе позволить...

Узнал про несколько опций работы для не знающих грузинский язык, весьма сложный в изучении.

Автомойка. Если у тебя нет аллергии на реактивы, как у парня из Беларуси, возвращавшегося с ногами в красных пятнах, то владелец платит тебе процентов тридцать от стоимости заказа. Беда в том, что иногда, например, в дождливые дни, заказов мало — несколько автомобилей за день на человека, а ты присутствуешь всё это время и часто стоишь на ногах по 10-12 часов.

— Сегодня было три машины за день, тридцать лари (около тысячи рублей). Хорошо, управляющий накинул, отдал половину, а не треть.

Иногда дают чаевые, просят получше помыть — тратишь больше времени, но получаешь сверху. Когда заказов мало, управляющий может повысить долю до сорока процентов, но всё равно такие дни выходят почти «холостые».

С непривычки один парень повредил руку прибором, который обеспечивает высокое давление струи. К счастью, через несколько дней прошло, но всё равно болят мышцы. Проблема ещё в том, что порой это работа без выходных — большая текучка, желающих там работать немного. Один обитатель шелтера мыл автомобиль полторы недели подряд. Ходил как привидение, ещё и дорога занимает час.

Вторая возможность — клининг. Это может быть уборка квартир или коммерческих объектов. Заказы появляются нерегулярно. Сегодня транспарень работал семь с половиной часов и обжог руки химическим составом.

— Я с трудом выдержал, чтобы не убежать, так сильно болело, но уйти — это получить штраф. А денег даже на сигарету нет, и состояние психологическое нестабильное. Ещё и плечо заболело, рука стала отниматься.

За это обещают семьдесят лари, на днях был заказ поменьше — сорок, а до того неделю заказов не было. Парень хоть смог купить ампулу гормонов. Надо вычесть стоимость тряпок, мочалок, средств — их покупаешь за свой счёт, и помнить, что цены на многие товары в Тбилиси в полтора раза выше, чем в Москве.

Кто-то работает на «шабашках» — подсобным рабочим на стройке или на разгрузке машин — в фирмах соотечественников. Последние нередко обманывают, к сожалению: то денег не заплатят, то объём работы оказывается больше, и люди чуть не падают под тяжестью. Получишь травму — никто тебе не компенсирует, спишут в утиль.

Больше всего везёт тем, у кого есть удалённые подработки, проекты или сбережения, но таких людей здесь немного, обычно они надолго не задерживаются.

* * *

Шёл по ночному Тбилиси и впервые со времени отъезда поймал это ощущение. Я его называю «будто через тебя посмотрел Бог». Когда вдруг чувствуешь, что всё правильно и не зря, полноту жизни здесь и сейчас, сливаешься с миром, паришь над ним. Ты и мутная Кура, и холмы над городом, и лица прохожих, и музыка, и платаны, раскинувшие белокожие руки над улицами.

Вдруг осознаёшь, что родился ты в нужное время, в нужной стране и семье, что месяцы в Грузии были завязаны узелком много лет назад. Не случайны встречи и ситуации, ты только принимаешь решения, даже если выбор сложный. Возвращаешься, переполненный благодарностью, боишься расплескать. Как пелось в песне: «А у меня за пазухой всё равно тепло».

Наверно, это рационализация, но я часто ловлю дежавю в Доме у кладбища, будто видел его во сне и некоторых людей давно знаю. Происходящее напоминает то ситком, то многосерийную драму с любимыми героями. Роли, одиночество и поддержка, усталость, рост — иногда через смех, иногда через боль...

Июль

* * *

Вчера в Доме у кладбища прошёл обряд очищения. Я вышел из туалета и подумал, что попал не в ту дверь. Коридор источал запах ладана. Соратники ходили с бубном и самодельным кадилом по комнатам, произносили непонятные слова, крестили руками воздух и призывали на шелтер мир, здравие, сохранность членов и благоденствие своевременной оплаты.

* * *

В Доме у кладбища случаются свои любовные истории. Те двое, с которыми я ездил в больницу, признались во взаимной влюблённости и начали встречаться. Конечно, учитывая, что комнаты по несколько человек и единственное приватное место — душ, квест ещё тот. Так что сегодня у нас в комнате ночевал дополнительный жилец.

Ощущаешь себя невольным слуховым вуайеристом, проснувшись посреди ночи из-за звуков близости. Отворачиваешься к стенке и думаешь о том, что, возможно, на этом месте мог быть и ты. А пока делишься запасом защитных средств, оставшимся с зимы.

Ещё на втором этаже живёт пара трансдевушек. Одна нелюдимая — переезд и жизнь в шелтере на неё влияют депрессивно, она почти не выходит из комнаты. Другая, напротив, очень общительная, играет на гитаре, пишет песни, участвует в концертах. Заботятся и трогательно помогают друг другу. Недавно у кладбища на них напала стая бездомных собак, смогли отбиться.

* * *

Выяснилась одна из причин кашля самого возрастного обитателя шелтера, Седого. Он несколько недель работал на вредном объекте в пыли — освобождал и шлифовал какое-то помещение. Респиратор не спасал, так как быстро становилось душно, почти невозмож-

но дышать. Человеку сложно найти работу: возраст не юный, потому от предложений не отказывался. Теперь расплывается сильным кашлем, отзвуки которого я слышу из подвала даже в своей комнате...

Транспарень попал на большой штраф, так как было два заказа по уборке, а денег купить два комплекта тряпок не было. В результате тряпки с первого объекта использовались на втором, а клиент, увидев это, написал жалобу.

Однажды я шёл с соседями по улице, на тротуаре стояла бутылка, на треть заполненная каким-то безалкогольным напитком. Транспарень взял её и со словами: «Как пить хочется, жара», — начал жадно пить. Мы объяснили, что так не стоит делать, можно чем-то заразиться, и мало ли, что туда налито. Он отвечал, что привык, когда нет денег. Я не выдержал, купил бутылку минералки в магазине...

* * *

— Ты очень, очень хороший человек, и я тебя так сильно люблю, хочу быть с тобой, заботиться, — первое, что я услышал сегодня, просыпаясь в комнате Дома у кладбища.

Приоткрыл один глаз и увидел парочку на соседней кровати.

— Я тоже тебя очень люблю, — последовал ответ.

То, как эти ребята стремятся поддерживать друг друга, сами находясь в весьма непростых ситуациях, пережив за свои недолгие годы больше, чем иные за всю жизнь (хоть снимай остросюжетное кино), вызывает тёплое чувство.

Наверно, этот общий опыт их объединяет, помогает лучше чувствовать другого. Однако прошлые травмы сильно отражаются на эмоциональном состоянии, порой случаются истерики. Надеюсь, их поддержат лекарства, которые теперь куплены. Делятся последней сигаретой и пакетиком чая, увязнув в этом безденежном безвременье, пытаются выбраться, строить планы на будущее.

Транспарню вручили на работе тяжёлый пылесос, сообщив, что теперь он будет ездить на заказы на такси, а ему потом компенсируют за счёт компании. Вот только зарплата будет через несколько дней, возместят постфактум, а ехать надо сейчас. Привязал он карту с последними копейками к Яндекс, а водитель приехал не туда, отметил, что клиента забрал, и уехал — остаток денег с карты списался.

Услышал за окном его маты, вышел. Он сидел с отрешённым видом, приговаривая: «Всё пропало». Не поехать на заказ — не только потеря денег, но и штраф с перспективой увольнения. Из-под рукава кровоточила рука, недавние порезы.

Предложил одолжить ему денег на такси туда-обратно до зарплаты, не та сумма, чтобы посыпать голову пеплом. Выходило, что он ещё успевал, даже без опозданий, а со списанными деньгами будет разбираться с техподдержкой Яндекса. Сейчас его задача — отдать плату за аренду в шелтере, там можно будет выдохнуть.

Второй, тот, что сломал руку, порывался сделать «халтуру»: пилить и сваривать конструкции из металлических труб, чтобы заработать. Попытался донести, что кость ещё не срослась, и это может выйти боком, если нагружать руку, пока она не зажила. Сегодня у него повторный рентген.

Чему научила жизнь в Доме у кладбища — не проходить мимо, не быть посторонним. Сложнее соизмерять, когда помощь реально нужна и важна, а когда становится попустительством и потаканием. Ведь если всегда оберегать, давать рыбу, а не удочку — легко попасть в «капкан спасателя».

Вчера клиентка транспарню подарила бутылку шампанского за хорошую уборку. Грузинское показалось лучше российского, вкус более натуральный. Мы сидели в комнате с би-флагом на стене и обсуждали на троих, все негетеросексуалы. Я поднял стакан с пожеланием, чтобы у нас всё было в дальнейшей жизни хорошо.

— А хорошо, это как? — одновременно спросили два голоса.

* * *

Позавчера ночью в шелтер заселился новый житель. Взрослый мужчина, вида довольно благополучного, в очках, держится уверенно. Сегодня пришёл с окровавленной головой. Видимо, обряд очищения не слишком помог.

Он рассказал, что запнулся на жаре, в руках были пакеты с продуктами, упал лбом на булыжник у обочины. Хорошо, что проезжавшая машина остановилась, отвезли в больницу. Наложил повязку, от дальнейших процедур отказался, просили триста лари. Сейчас кровь снова пошла, и он понял, что лоб зашивать всё-таки придется.

Редкий случай — есть страховка, пытается требовать у компании возмещения. Рассказал ему, какие в округе есть больницы, уже в нескольких побывал со скорыми.

В одной из них ему зашили лоб, обновили повязку — сделали по страховому случаю, так как падение произошло в трезвом состоянии. В случае же опьянения, что в шелтере не редкость, не каждая страховка покроет.

Вот бы при заселении оформлять страховку, особенно для людей с диагнозами. Без неё потом всем дороже выходит. Жаль, что нет фондов для таких случаев.

* * *

Вчера исполнилось полгода, как я ступил на землю Грузии, релоцировавшись из России. Я уезжал не куда-то, а откуда, воспринимая отъезд как экстренное катапультирование. Тогда думал, что с вероятностью восемьдесят процентов вернусь к майским праздникам. Со временем силы притяжения ослабли, в марте было уже пятьдесят на пятьдесят.

Потом понял, что возвращение — не лучшая идея, риски никуда не делись, многое можно делать из-за пределов страны — главное, не отрываться от реальности, которая меняется быстро. Говорят, каждый уехавший остаётся с версией России на момент отъезда.

За полгода состояние сильно колебалось: упадок сил, безволие, ощущение затерянности и подвешенности сменялись подъёмом и желанием помогать другим. Как активист я делал, наверно, даже больше, чем последний год в России, но продуктивность не была стабильной. То окрылён, то лежишь без сил, придавленный, выныриваешь из усталости и снова в неё погружаешься.

Возможно, это психологическая защита, но ощущаю себя скорее Одиссеем в путешествии, нежели изгнанником и эмигрантом. Ценю возможность посмотреть мир, расширить взгляды, чему-то научиться, встретить новых людей.

Знаю, у многих через год-два после отъезда случаются депрессивные эпизоды. Посмотрим, пока всё неплохо, хотя лёгкой прогулкой не назовёшь. Больше похоже на марафон с элементами борьбы за выживание. Зато можно не вздрагивать от гулких шагов по лестнице и звука подъехавшего утром к окнам автомобиля.

* * *

Сосед по комнате, что сломал руку, порой очень раним. В детстве родные внушали ему, что он «грязь из-под ногтей», хотели сделать из него «настоящего мужика», много было травматичных эпизодов и травли. Вначале он подавлял эмоции, потом стал выражать их чрезмерно, порой теряя контроль. Помогали таблетки, а если их нет — алкоголь или «покурить». Решение лежит скорее в сфере психотерапии, нежели вызывающих зависимость веществ.

Одну обитательницу, с которой у него был небольшой конфликт, ударило током от старого удлинителя. Он купил новые розетки, зачищал и паял провод. В самом конце прожёт паяльником любимый лонгслив.

Попытался успокоить:

— Хорошая метафора, как слова на тебя влияют, прожигают изнутри.

Он сначала сокрушался, а потом проявил выдумку — решил использовать футболку для арт-терапии. Вспоминал ярлыки, клички, нехоро-

шие слова, которыми его называли в детстве или здесь, в Доме у кладбища. И с каждым написанным на футболке словом уменьшалась боль, словно он вытаскивал занозы, засевшие в душу.

Воспоминания приходили к нему весь вечер, он брал маркер и дописывал новые слова. Показалось, ему стало легче, он ходил довольный и даже улыбался.

* * *

В половине третьего ночи сосед по комнате, перебравший лишнего транспарень, сиганул со второго яруса кровати на пол. Десять сантиметров левее — и я мог бы попрощаться с ноутбуком и лежащим на зарядке телефоном. Десять сантиметров правее, и его шея или висок могли встретиться с металлическим каркасом стула из многослойной фанеры.

Ему померещилось, что он лежит на кухонном диване, спустил ноги — а пола нет. Как он себе ничего не сломал, остаётся загадкой. На утро ничего не помнил.

Они решили эту ночь спать раздельно, его парень не высыпался на узкой кровати, ещё сломанная рука в гипсе ныла. Транспарень обиделся, заправился пивом и полез вверх. Его лекарства плохо совместимы с алкоголем и ухудшают координацию.

Понятно, что после тяжёлой работы клинера хочется расслабиться, однако, алкоголь на пользу не идёт. Вчера он в четыре утра пытался пройти сквозь стену, попутая её с дверью. Я проснулся от звука падающих с подоконника книг, грохота перевёрнутого чемодана и сумок. Он говорил, что в больнице вскакивал к пяти: с утра иногда удавалось получить сигарету и покурить — рефлекс сформировался.

Ощущение, что его любят, он, похоже, испытывает впервые в жизни. Зато говорил, что порой чувствует ненависть к клиентам за наличие у них денег на уборку.

— Зачем менять тряпки для этих буржуев. Лучше я буду заниматься проституцией и жить нормально, чем убирать за богатыми свиньями.

Когда его пытались отговаривать от подобного рода занятий, он принимал это в штыки:

— Почему я должен слушать правозащитников, у них был мой опыт?

Наша комната порой напоминает больничную палату. Настроен теперь действовать решительней, ведь это начинает бить по мне. Иногда вечером наваливается такая усталость, что аккумуляторы почти на нуле. Нужен отдых и покой. С сегодняшнего дня вводим сухой закон и запрет на второй ярус для транспарня.

Какая тишина звенит в ушах.
Всё стало пустотой, как ночь настала.
И матом отозвался бывший шах,
И шаг заглох в беззвучии вокзала.
Стучит в висках, играет сединой,
Пожалуйста, побудь ещё со мной...

В Доме у кладбища праздник. Один из обитателей набрал на Дезертирском рынке выкинутые нектарины, абрикосы, персики, сливы и дыни — больше двадцати кило. Некоторые сильно повреждённые, из них сварили варенье и компот, другие ели сегодня свежими и в пироге, оставшиеся — почти нетронутые, отложили на завтра. Немногие могут позволить себе покупать фрукты, а здесь — ешь сколько влезет.

Последнее время не было конфликтов и внештатных ситуаций, поэтому вчерашнее собрание, которое я вёл на время короткого отпуска ответственного, заняло меньше двадцати минут.

Соседи лежат в обнимку, как котята, на днях получили немного денег, закупили продукты, поддерживают друг друга — трогательная, почти семейная забота, разговоры, планы.

— Виню себя, что сломал тебе наушники, три дня пытался починить, разобрал всё, но — сдаюсь. Обещаю, как заработаю денег, куплю тебе такие же новые или даже лучше. Если будем в разных странах, переведу или доставку закажу. Ты увидел, что я потерял свои, дал мне попользоваться, сделал доброе дело, а я их испортил.

— Ну, ты не специально это сделал, а в состоянии аффекта. Не вини себя. Я рад, что ты осознаёшь ответственность и хочешь компенсировать ущерб. Буду с радостью в них слушать музыку. Надеюсь, для тебя это будет стимулом выбраться из финансовой ямы. У меня же пока есть те, что я купил себе к дню рождения, с шумоподавлением.

— Спасибо, Лёша.

Август

Главный подарок на день рождения я получил вчера: шестнадцать человек, нескольких из которых знаю лично, были освобождены из российской тюрьмы по обмену. Да, в застенках остаются тысячи политзаключённых (и сотни тысяч заключённых содержатся в скотских условиях российских тюрем). Но то, что хотя бы шестнадцать из них теперь в безопасности — большая радость.

Сегодня в шелтере пили чай с тортом по поводу моего появления на свет и смотрели на экране пресс-конференцию, где особенно сильное впечатление произвёл Владимир Кара-Мурза. Откликалось, ведь многие из обитателей Дома у кладбища оказались вне России не по своей воле.

Есть усталость, но и удовлетворение. Желание развиваться, помогать, любить и жить дальше. Счастливы, что столько хороших людей вокруг.

Фигуры умолчания

Поздравлял папу, ему восемьдесят, а до того маму — у нас львиная семейка, мой день рождения посредине. Разговоры и радостные, и одновременно — с непроговариваемым, тяжёлым послевкусием.

— Отдал нашу общую, в три поколения, книжку в печать. Когда приедешь, посмотришь свои стихи... — говорит папа.

— Папа, я, вероятней всего, не приеду. В обозримом будущем...

— Нога лучше, хожу без палочки. Рада, что ты на полгода уедешь в Германию. А там, как вернёшься... — говорит мама.

— К сожалению, пока вряд ли получится.

— Я понимаю. Чтоб он скорее сдох!

— Не знаю, изменится ли всё так быстро после этого.

Сплошные фигуры умолчания. И думаю: достаточно ли общался с ними последние годы? С папой, наверно, да. С мамой, в основном, выбрасывая хлам, или по делам. И несколько раз, когда ходили на Юрского, на Райкина. Ну и когда она сломала ногу...

Ещё вдове дедушки звонил — сильно простудилась, голос исчезал, булькал. Говорила с паузами, с трудом, будто находится где-то между мирами, откуда сигнал почти не доходит. Кричи — не докричишься.

О сделанном выборе не жалею в сложившейся ситуации. Но есть внутренняя ненависть к тем, из-за кого пришлось его делать.

Самые дешёвые марки горького шоколада в Грузии — Alpen Gold и Nestlé (в РФ продаётся под маркой «Россия»), так как они часто бывают по акции, порой вдвое дешевле. Предпочитаю первый, украинский, а Nestlé — российский. Изредка беру более дорогой горький Merci с апельсином и миндальными кусочками, порционно завернутый в фольгу, но на это лакомство акций почти не бывает.

Не все в Доме у кладбища могут позволить себе такие деликатесы. Вчера впервые попробовал свежий инжир — кто-то насобирал в округе. В России ел только сушёный, приторно сладкий.

Снабжение фруктами с рынка последний месяц повторялось несколько раз — местами подпорченные персики, нектарины, реже сливы, арбузы и дыни разнообразили диету обитателей. Старался отрезать склизкие, подгнившие места, особенно бока, подёрнутые плесенью, так что порой оставался лишь небольшой съедобный кусочек.

Приносит их мужчина из Питера, программист, про которого я писал некоторое время назад. У него осталась семья в России, сын-школьник, что рыдал в трубку, жена с тёщей, поначалу требовавшие немедленного возвращения. Порой он приносит по двадцать пять килограммов «улова» — в такие дни все объедаются. Приятно, что некоторые проявляют инициативу не только для себя, но и заботятся о других.

Сейчас он переживает депрессивный период — у многих он случается через несколько месяцев, когда наваливается усталость, тоска и безразличие, ничего не хочется.

В Грузию на неделю приезжал тот, с кем мы провели романтический январь. Много воды утекло с тех пор, мы ссорились, было нестерпимо больно, потом мирились, снова ссорились. Долго не писал об этом, изредка делился с друзьями или соседями.

И вот теперь он не за тысячи километров, а на расстоянии вытянутой руки. Мы опять катаемся на аттракционах на Мтацминде, едем в горную поездку в другую часть Грузии, идём в музей. Летом его могло не стать, и я смотрю на него, будто впервые. В бокалах наше вино александрои, на глазах мокрая пелена.

Буря

В беззаботную неделю, что я не был в Доме у кладбища, там произошли разительные перемены. Уехавшие, приехавшие — дело привычное. А вот затишье, которое наблюдалось последний месяц, к сожалению, завершилось бурей.

Стал свидетелем финальных аккордов, которые привели к разрыву отношений соседей по комнате. Другие обитатели шелтера вынуждены были принять строгие меры. Впрочем, нельзя сказать, что эти события были совсем неожиданными. Когда день за днём живёшь рядом и наблюдаешь за близким взаимодействием людей, невольно начинаешь видеть в них не только достоинства, но и недостатки, идеализация спадает.

Последняя неделя была полна скандалов и бурных ссор. Летающие и разбивающиеся телефоны, отрезанные в истерике огромным ножом волосы, взаимные упрёки, крики «ударь меня» и «убей меня» — лишь

малая часть того, чему я стал свидетелем. В последний момент удалось удержать одного, замахнувшегося на другого металлическим ноутбуком.

Комнату было не узнать: сломанный стол, кучи вещей на полу, разлитый чай, пролившийся на книги. До того, говорят, несколько дней один беспробудно пил, второй «курил». Препараты, которыми один делился со вторым, закончились, и новые не выпишут, пока не пройдёт назначенное время. Накопились обиды и совпала негативная фаза — вместо поддержки произошла ретравматизация.

Один попросил денег у бабушки из России на починку разбитого телефона второго, а у того укоры, что из-за него бабушка теперь голодает, вызвали протест. Вроде и повод не самый серьёзный, но реакция обострённая. Пятнадцать минут один выводил другого из себя, наконец тот взорвался.

— Я лучше буду есть из мусорки и жить на улице, чем слышать такие упреки от человека, который говорил, что меня любит.

Закончилось и терпение обитателей. Никто больше не хочет в общей зоне ссор, криков, летающих предметов. Даже дети боятся выходить из комнаты. Отягчающим обстоятельством стало, что случай далеко не первый. Только за последние дни крики и вспышки гнева повторялись в общественных пространствах несколько раз.

В итоге у одного сломаны пальцы — теперь на ноге, а второго уволили с очередной работы — за брошенные в рабочий чат фотографии порезов на руках, которые он нанёс себе.

— Из-за тебя меня из шелтера выгонят!

Тревожно было за обоих. Большого труда стоило собраться и делать срочную работу под крики и выяснение отношений, а временами вмешиваться, не давая что-то ещё разбить или покалечить друг друга. Чувствовалось, что дело близится к развязке.

На собрании никого из них не было, решение вынесли заочно. Я понимал, что в этой ситуации даже моё заступничество не повлияет на исход голосования.

Сломавший пальцы сосед вернулся под утро, он ночевал на одной из строек. Пришлось объявить ему, что он исключён из числа жителей шелтера. Пытался немного успокоить, объяснить, что причина в повторяющемся опасном поведении — большинство к нему хорошо относятся до сих пор.

Само известие об «изгнании» стало для него шоком, даже несмотря на то, что ему обещали оплатить пять дней в хостеле. От «подачки» отказался, нашёл, где пожить. Попросил бритву и сбрил остатки волос «под ноль», при этом поцарапал голову. Выглядел он как обритый ээк, разве что робы не хватало.

Обнял его и удерживал, пока он пытался крушить всё вокруг. Потом он сел на корточки, обхватив голову руками, трясся в слезах, что-то кричал. Написал латиницей записку о разрыве, вложил её в ноутбук.

Я сунул ему с собой денег, вызвал такси. Машина ехала долго, где-то остановилась по пути. Позже узнал, что он испытал приступ гипогликемии, чуть не потерял сознание. Хорошо, что водитель остановился у киоска, где тот купил сладкого, съел и доехал до впшки.

Там оказалось тяжело, женщины с маленькими детьми, много шума. Перебрался в палатку во дворе дома уехавшего из России оппозиционного депутата, где собираются те, кому негде жить.

Второй сосед, транспарень, порезавший руки, ночевать не пришёл. Он говорил, что собирается прогуляться по кладбищу, чтобы немного успокоиться. Его телефон остался в комнате.

На следующий день, когда я поднял вопрос об организации поисков, он вернулся. Говорил, что хотел броситься под поезд, но, к счастью, нашёл поддержку в местном комьюнити-центре. Полночи его успокаивали, помогли. Он ещё не знал о последнем предупреждении.

— В целом, можно сказать, что я ок. Только мне нужно было делать укол гормонов вчера, я ради этого готов даже на проституцию.

Вечером он сказал, что проституция пока отменяется. Ему удалось устроиться оператором виртуального порно-контента. Искусственный интеллект создаёт визуальную иллюзию модели, а он с клиентами только переписывается от её имени.

Расслоение

Когда я писал о том, что горький шоколад в шелтере — деликатес, я немного лукавил. Под этой крышей собрались разные люди, и финансовая ситуация сильно отличается. Бедствуют не все. У одного слабенький, глючащий телефон, а у другого профессиональный, мощный ноутбук с «яблоком» на крышке. Кто-то ест авокадо, кто-то трёт на тёрке капусту или питается пустыми макаронами.

Как правило, многие люди со стабильным доходом или сбережениями после льготного периода перебираются в съёмное жильё. Всё-таки долго жить по трое в комнате, без личного пространства — непросто. Шелтер даёт людям возможность перевести дух, оправиться от первого стресса в незнакомой стране, осмотреться и двигаться дальше. Бывают и исключения.

Я писал о программисте — поджаром мужчине с сединой. Он действительно работал в филиале РЖД главным программистом, и с премиями его зарплата могла доходить до четверти миллиона. Он отвечал за систему прогнозирования пригородных перевозок. Уволили его одним днём, посоветовав впредь не писать лишнего в соцсетях. Ему чудом удалось уехать из-под дела о «фейках» об армии, через неделю нагрянули с обыском.

Он за свои деньги купил в шелтер холодильник. Притом, что экономный — ходит на рынок, собирая выброшенные фрукты для всего шелтера. Мог бы снять жильё, но ему важно жить в социуме, остаётся из-за компании. Да и на работу, несмотря на его квалификацию,

брать не очень хотят — как он шутил, возраст «полувековой», язык без практики, а в связанные с Россией компании — не пропускает служба безопасности. Тревожится: насколько хватит сбережений?

В России у него пятеро родных и приёмных детей от двух браков, к счастью, удалось срочно продать доставшееся в наследство жильё. Недавно он получил гуввизу и в сентябре отбудет в новую жизнь.

— Не знаю, с кем буду жить в незнакомой стране. Я всегда был человеком семейным, работал в коллективе. Хоть бы пару знакомых там.

Был ещё недавно айтишник из приграничного с Украиной региона. Большая квартира в хорошем доме, дети в лучших садах и школах города. С ковидных времён завязал с политикой, думал, дадут жить спокойно. Но пришли с обыском по делу о донате «экстремистской организации», с трудом выехал через Беларусь. Пожил немного в шелтере, вскоре снял квартиру, иногда заходит в гости.

— Ещё весной была определённая жизнь, семья, дети, хороший район, работа. Но не простила «родина» прошлой активности, наехала гусеницами экскаватора, раздавила счастливую обывательскую жизнь...

Уже писал про женщину, которая была финансовым директором, имела машину и дачу. Из-за активизма ей пришлось уезжать из-под репрессий. Здесь она работает в клининге. Наверно, в этом особая сила — не принимать позицию жертвы, смирить гордыню, не опускаться — работать, развиваться в свободное время.

— Я тоже знала и беззаботную жизнь, и тяжёлую. Просто наше поколение не так изнеженно, как нынешние, у нас больше ответственности. Что, у нас травм, сложностей не было? Но мы их пытаемся решать, не грузим других...

У большинства доходы нерегулярные или небольшие, особенно уязвимы люди с ментальными и другими особенностями. Кто-то уезжал в одной паре обуви, экстренно, почти без денег. Для них пара долек шоколада — лакомство. Другие просто не научились выживать в ре-

жиме вечной экономии, порой срываются на импульсивные покупки, а потом сосут лапу.

Вышел вечером по делу и прогуляться заодно. Иду недалеко от набережной, смотрю на Дворец Юстиции, похожий на грибной пенёк, улыбаюсь. И вижу боковым зрением, что рядом медленно едет полицейская машина.

То меня нагонит, то отстанет. Я в наушниках с шумоподавлением, музыка играет, ничего не слышу. Через какое-то время машина проехала вперёд, и мне преградили дорогу двое грузинских полицейских. Наушники снял, обращаются на русском:

— Откуда?

— Из России, Питер.

— Можно документы? В рюкзаке, карманах запрещённое есть?

Посмотрели не особо тщательно, книжку увидели, расслабились, паспорт вернули и вежливо попрощались. Подумал: я уже больше полугода не в России, а этот внутренний страх, напряжение остались, мозг воспринимает полицию как угрозу...

Сентябрь

* * *

В холодильнике лежит половинка дыни, аккуратно завёрнутая в пакет. Оранжевая, сладкая. Всё, что осталось после очередных проводов. В ночь с четверга на пятницу сразу четверо обитателей Дома у кладбища покинули Тбилиси и взяли курс на Париж.

Женщина с севера и её дети, мужчина, который приносил с рынка фрукты. Оба проходят по антивоенным делам разной степени тяжести за то, что публиковали в соцсетях свою позицию.

Недавно мы справляли день рождения её сына, ему исполнилось двенадцать. Домашний торт, свечи — застолье было уже предотъездное. Пока в посольстве делали визу, они успели в августе съездить на море. Женщина дала мне ключи от комнаты, и я там жил до их возвращения — такой подарок на мой день рождения.

Теперь им настала пора уезжать, в России аннулировали опеку, в Грузии, с учётом антидемократических тенденций, становилось небезопасно. Перед отъездом она суёт в сумку начатую пачку гречи:

— Хоть кашу детям сварю...

Мужчина-программист учил французский в приложении, вспоминал о прошлой жизни, как они семьёй ездили кататься на лыжах в Ленобласти. Потом вздохнул, помолчал и смахнул слезу, прошептав:

— Было, было, было...

Франция пугает его отсутствием социальных связей. Потому и решил лететь с женщиной и её детьми — вместе не так тревожно.

В коридоре стояли чемоданы, замотанные в плёнку. Вечером зарядил дождь. Уезжали они под ливнем, небо рассекали всполохи молний. Какая жизнь ждёт впереди?

* * *

Ну что, книжке «Дом у кладбища» быть, подписал бумаги. Уже в начале декабря обязуюсь презентовать печатную версию. Идея пришла из комментариев в фейсбуке, где люди просили сделать из постов книгу. Впереди творческая работа в ожидании первенца.

Сначала внутренне отпирался — художественная ценность у написанного урывками в телефон на кухне, пока варится картошка, на втором ярусе кровати, в метро или на скамейке в парке сомнительная. Переживания у многих уехавших похожие, уже ставшие банальными.

Потом подумал, что эти восемь месяцев в Доме у кладбища и истории, свидетелями которых я стал, заслуживают быть рассказанными.

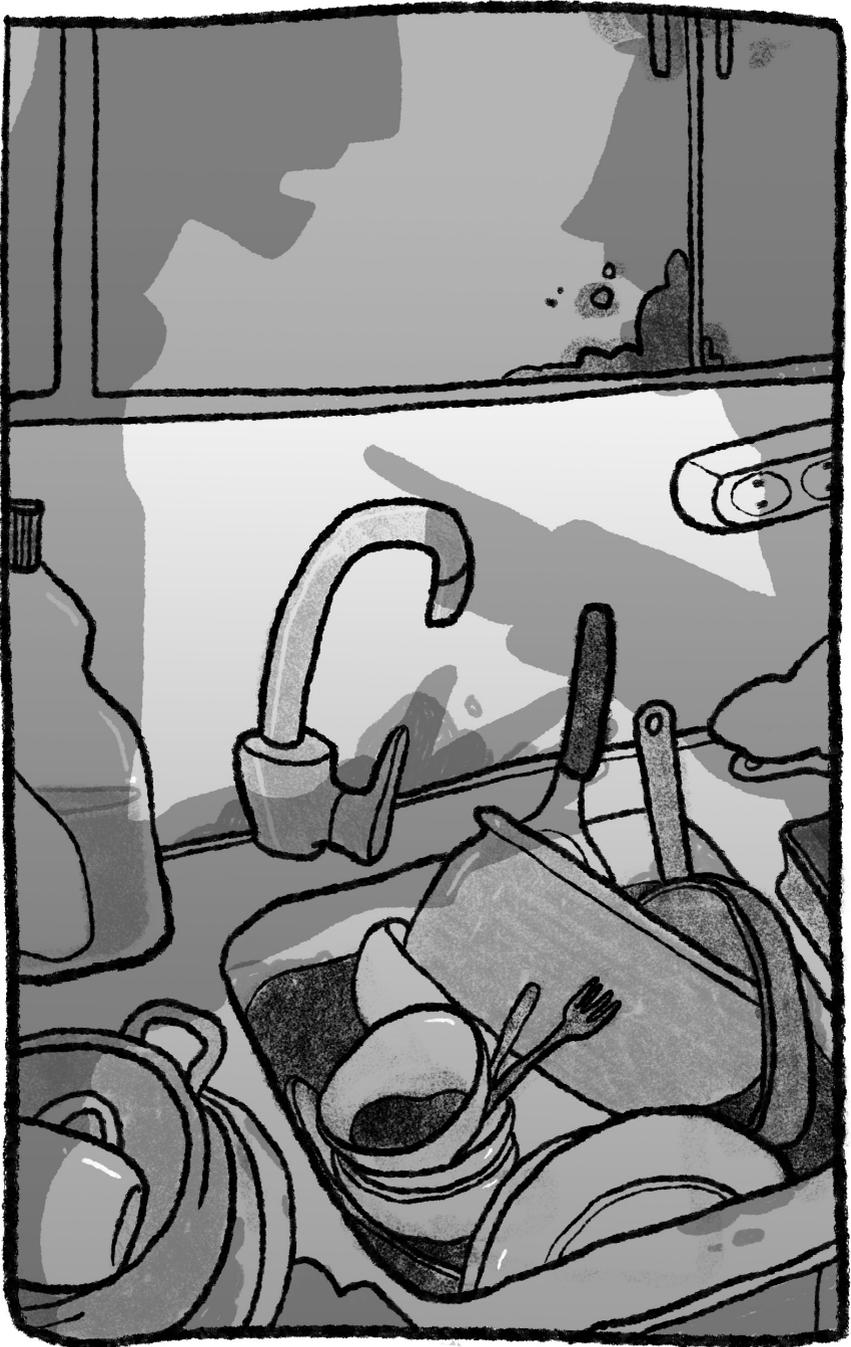
Немытая Россия

В августе, когда ответственный за Дом у кладбища уехал отдохнуть, на собраниях начались ссоры. Основная их тема была связана с немытой посудой.

— Предлагаю снять эту тему с повестки. Сколько здесь живу, каждый раз на собрании говорят об этом, грозят пальчиком, тратят время, а воз и ныне там. Может, хватит это обсуждать? — говорил молодой человек в очках.

— Нет, надо дать понять, что мы не согласны, нам это не нравится. Может, у тех, кто нарушает нормы общежития, хоть совесть проснётся, им станет стыдно, — в один голос парировали женщина и мужчина постарше.

— Мы на каждом собрании тратим по десять минут, но совесть не просыпается. Это не работает, нужны другие решения. Они считают такое поведение в порядке вещей и продолжают паразитировать на тех, кто посуду рано или поздно вымоет...

Все вспомнили мужчину, что недавно уехал во Францию. Тот, который приносил с рынка для всех фрукты и купил на свои второй холодильник. Каждое утро он начинал с мытья посуды, его раздражали грязные тарелки и кастрюли, стоящие в раковине и вокруг неё. При том, что у него была масса дел: работа над кейсом, переобучение по программированию, изучение языка, поиск работы. Часто вечером он вздыхал, что день пролетел, а времени не хватает.

После его отъезда количество немытой посуды увеличилось — горные вершины возвышались над раковиной. Видимо, когда всё сходит с рук, люди наглеют окончательно. Другая девушка, которая отвечала за порядок на кухне и убирала тщательно, попросила снять с неё эти закреплённые обязанности.

Попытки решить вопрос иначе (от установки камеры на кухне до подписи тарелок и чашек) по разным причинам были отклонены. Стало очевидно, что «анархия — мать порядка» только там, где люди обладают чувством ответственности и базового уважения друг к другу.

При этом пара, которая съехала из шелтера в квартиру в новостройках, периодически приходила в гости, помогала красить паллеты во дворе и приносила пакеты с продуктами — для самых нуждающихся. Пачки овсяных и гречневых хлопьев, вермишель быстрого приготовления — в этом чувствовалась любовь и ответственность.

* * *

Месяц назад в Дом у кладбища заехал парень — оказалось, земляк из Питера. Написал на заборе: «Путин убил Навального!» — и уехал в СИЗО.

— Нашёл в камере учебник английского и месяц занимался.

Потом перевели под домашний арест, где он провёл ещё четыре месяца. Позже, благодаря усилиям правозащитного адвоката, статью удалось изменить на более мягкую. И он смог выехать через Беларусь. Вообще, у шелтера есть неофициальное название «Антизона».

Женщина с детьми уже во французских Альпах в общежитии. Мой первый сосед по комнате, который ездил в Индию, со второй попытки прорвался в Мексику. Упорство творит чудеса. Проведший всю жизнь в Сибири, волей судеб и уголовного дела, свою траекторию он изменил кардинально. Будет пытаться пересечь границу США.

* * *

Сегодня в Доме у кладбища мне устроили «отвальную». Пожарили баклажаны, грибы, курицу. Запекли дольки картофеля, порезали помидоры. Запланировали заранее, но визу задержали. Отменять проводы не стали. Тосты под выпивку, песни под гитару. Сказали, что готовы в следующую пятницу ещё раз проводить.

Завершается девятый месяц в Грузии. На полгода уезжаю в Германию — хоть какая-то определённости.

Смирился с идеей, что возвращаться не стоит, хотя периодически как судорога проходит: неужели больше не увижу родителей, ведь идут их последние годы? Пока есть время в центре Европы присмотреться к городам и странам, попытаться узнать их изнутри, почувствовать.

* * *

Долго не хотели выпускать из Грузии, ковыряли в аэропорту ногтем немецкую визу, куда-то звонили. Потом попрощались на английском, с видимым неудовольствием. Спокойно вздохнул, только пройдя паспортный контроль в Берлине.

Октябрь/ноябрь

* * *

Через день после прилёта в Германию простудился. Интересно, что в Грузии я за девять месяцев не болел. Видимо, организм расслабился и выдохнул. Неделю наслаждаюсь одиночеством в небольшом немецком городке. Только здесь стало понятно, сколько фоновой усталости накопилось в Доме у кладбища. Даже при хороших отношениях с большинством обитателей — сложно столько месяцев постоянно находиться с кем-то, когда нет места, где можно побыть одному.

* * *

В поезде паренёк лет шестнадцати, с ним женщина за сорок. Говорят на русском. Но вскоре становится понятно, что из Украины.

— Тут в парке недалеко от нас будет какая-то движуха.

— Что тебе привезти?

— Я хотел бы скейт. А то мне его в январе подарили, снег, а потом сказали быстро: собирай вещи, уезжаем. Так и не покатался..

— Ну проще здесь тебе купить. Одежду нет смысла, за два года ты вырос, будет мало.

— Я бы хотел кровать из дома. Но я понимаю, что это нереально. Одежду да, не стоит. А скейт хочу именно тот, подаренный, из дома...

По разговору ясно, что не мама, скорее — тётя. Беседовали о мирной жизни, но было очевидно, что здесь эти двое оказались не просто так.

* * *

Сегодня узнал, что у соседа по комнате в Доме у кладбища, транспарная, куплен транзитный билет через европейскую страну. Слышал, что потом мои бывшие соседи снова мирились, возобновляли отношения. Понимая бестактность вопроса, не удержался от того, чтобы спросить.

— Один лечу, — был ответ...

* * *

За соседним столиком одиноко сидел крупный мужчина в очках и с седеющей подстриженной бородкой.

— А вы из России? — спросил он с интеллигентной интонацией приятным, раскатистым голосом.

— Да, но с января этого года не в ней.

— А я из Киева, — сказал мужчина.

Я пересел поближе, чтобы не кричать через играющую музыку.

Выяснилось, что он гражданин Израиля, до 2014-го жил в Питере, когда же случились события в Крыму — выехал в Ригу осмотреться, понять, что происходит. Вернулся в Киев, где живёт его мать, хотя по делам ездил в Россию вплоть до 2022-го.

Рассказывал, как ощущались в Киеве эти два с половиной года.

— Своих я через две недели вывез, у меня тогда гостил сын от первого брака, матушка умоляла, а сам остался. Очередь из машин до Львова была. В первые же дни записался в территориальную оборону.

Про Бучу и Ирпень. Про аморфность большинства россиян. Про коррупцию и то, что делают деньги даже на трагедии. О том, что русскоязычные города переходят на мову.

Я рассказал про то, что мы делали, но этого оказалось мало, про мою знакомую Ольгу Смирнову, антивоенную активистку, приговорённую к шести годам. Но больше слушал. Видно было, что моему собеседнику нужно выговориться. Беседа затянулась на полчаса, на прощание он пожал мне руку и сказал:

— Скучаю по Питеру. Красивый город. Столько лет там жил. Если что, я завтра буду здесь в девять кофе пить...

И ушёл.

* * *

На антивоенном марше в Берлине я встретил друга — депутата и гея, который год назад не собирался уезжать из России. За это время он получил статус иноагента и гуманитарную визу, перебрался в Германию. Обрадовался тому, что он в безопасности.

Потом наткнулся на знакомого по Дому у кладбища. И хотя он вскоре после моего появления в шелтере уехал по гувизе в Кёльн, при встрече мы тепло обнялись и записали в общий чат «кружок» короткого видео.

Все мы, жившие в Доме у кладбища, носим в себе его отпечаток и воспоминания о людях, которые встретились нам в этих стенах.

Адрес для связи с автором:
artclinic777@gmail.com

Алексей Сергеев

Дом у кладбища

Хроника релокации

Редактор: Арден Аркман

Корректурa: Ари Гласс

Иллюстрации: Эш Блейквелл

Дизайн обложки, вёрстка: А. Сергеев